

18+ АЛЕКС МОНТ

ИЗ ХРОНИКИ ВРЕМЕН 1812 ГОДА

ЛЮБОВЬ И ТАЙНЫ РОТМИСТРА ОВЧАРОВА

НОВЫЙ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
ОТ АНТОНА ЧИЖА

Rideró

Алекс Монт

**Из хроники времен 1812 года.
Любовь и тайны ротмистра
Овчарова. Авантюрно-
исторический роман**

«Издательские решения»

Монт А.

Из хроники времен 1812 года. Любовь и тайны ротмистра Овчарова. Авантюрно-исторический роман / А. Монт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554336-3

Август 1812 года. Наполеон под стенами Смоленска. В тюрьме Королевского бастиона Смоленского кремля содержится опасный государственный преступник, отставной ротмистр Овчаров, арестованный за фальшивомонетчество. Накануне штурма города в его камеру спускается флигель-адъютант Александра I полковник Чернышев, в недавнем прошлом сотрудник Секретной экспедиции и личный представитель императора при дворе Наполеона, и убеждает Овчарова послужить Царю и Отечеству и заслужить прощение государя...

ISBN 978-5-00-554336-3

© Монт А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	20
Глава 3.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Из хроники времен 1812 года.
Любовь и тайны ротмистра Овчарова
Авантюрно-исторический роман**

Алекс Монт

© Алекс Монт, 2021

ISBN 978-5-0055-4336-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Узник Королевского бастиона

Гулко отозвались шаги в коридоре, заскрежетал ключ в замке, откинулся железный засов, и в распахнутую дверь вошли двое – рекрут караульной команды, крепостной сын Никишка Земцов и высокий человек в тёмно-зелёном мундире полковника-кавалергарда.

– Оставь-ка нас, братец! – барственно бросил бравый кавалергард Никишке, брезгливо морщась и стягивая с ухоженных рук почерневшие от пыли и пота лайковые перчатки.

Окинув взглядом убогое убранство узлища, состоявшее из грубо сколоченного дубового стола с оплывшим сальным огарком посередине и под стать ему тяжёлого дубового табурета, полковник закашлялся. Сморщенный, застоялый дух давно непрветриваемого помещения, построенного в толще земли, не замедлил достигнуть чутких ноздрей лощёного гвардейца. С продавленного, объеденного крысами тюфяка неуверенно поднялся невысокий, заросший бородой мужчина лет тридцати и, стряхнув солому с мятого, несвежего платья, в недоумении воззрился на незнакомца. За долгие месяцы заточения в подземной тюрьме Королевского бастиона Смоленской крепости он ещё не достаивался посещения столь блестящей особы.

– Итак, сударь! Comment allez-vous?¹ Как живёшь не тужишь?! Вижу, несладко! – перемежая русскую речь французской и прикладывая к коротко стриженным огненно-рыжим усам надушенный батистовый платок, дабы заглушить настойчиво бьющий в нос острый неприятный запах, осведомился гость. На его холёном нервном лице играла ироничная, чуть презрительная усмешка, а живые, подвижные глаза испытующе смотрели на узника. Едва за Никишкой затворилась дверь, камера погрузилась в сизоватый мятущийся сумрак, озаряемый светом оставленной свечи. Бледное лицо арестанта не выражало эмоций, мимолётный интерес, вызванный появлением посетителя, сменился молчаливым равнодушием; он отступил назад и, сложив на груди ещё не познавшие тяжести кандалов руки, приготовился слушать.

– Не стану томить вас загадками. – Полковник поспешил избавиться от снисходительно-покровительственного тона. Неплохой психолог, он быстро уразумел, что подобным манером расположить к себе заключённого ему вряд ли удастся. – Вам, верно, неизвестно, – проникновенно глядя в глаза сидельцу, с печалью в голосе продолжал он, – что Бонапарт на подходе к Смоленску. Полоцк и Витебск оставлены. Употреблённых сил для обороны города или тем паче для генерального сражения решительно не довольно. Армии Барклая и Багратиона до сих пор не соединились, и в любой момент корсиканец может разбить их по отдельности. Могучий корпус маршала Даву вклинился между обеими нашими армиями. Не берусь судить, что предпримет гражданский губернатор милейший барон Аш, однако эвакуация казённых учреждений, а также исход жителей из Смоленска уже начались.

На самом деле две русские армии соединились двадцать второго июля², за сутки до настоящего разговора, но полковник для вящей убедительности решил сгустить краски и нарисовал более драматичную картину. Слова его, казалось, мало занимали узника. Продолжая неподвижно стоять, арестант безучастно взирал на распинавшегося кавалергарда. – Касается вашей участи... – наклонил голову он и, подойдя к сидельцу, перешёл на доверительный тон. – Намедни всех обитателей Арестантского острога, устроенного при Водяной башне кремля, заковали в кандалы и, погрузив в телеги, повезли по московской дороге на восток, вглубь империи. О вас же, сударь, забыли. Полагаю, не случайно. Когда начнётся приступ, когда канонада будет услышана на Соборной горе, а убийственный огонь неприятельской артиллерии зачнёт

---

¹ «Как дела?» (фр.).

² Все даты даны по старому стилю.

можжить город, я не дам и ломаного гроша за вашу жизнь. Вас расстреляют прямо здесь, в каземате, не выводя во двор, или попросту вздёрнут возле рва, аки презренного простолюдина. Вы следуете за ходом моей мысли, Павел Михайлович? – впервые обратился к сидельцу по имени посетитель.

– Отчего принимаете во мне столь горячее участие? И кто вы будете, господин кавалергардии полковник? Речи ваши изобличают не верноподданного государя своего, а охочего до собственных выгод иностранца. Ежели, разумею, не предположить...

– Ежели не предположить, что я подсланный шпион Наполеона, переодетый кавалергардом. Не так ли, Павел Михайлович? Вы ведь подобное хотели произнести?! – тряхнув непослушными кудрями, прервал он наконец разомкнувшего уста арестанта.

– Отдаю дань вашей проницательности, – прямодушно подтвердил умозаключение полковника сиделец.

– Помилосердствуйте, сударь! Я здесь, чтоб устроить судьбу вашу, иных целей, oprичь оной, не имею. Послужив верой и правдой государю и Отечеству, вы сполна искупите зло, вами содеянное.

– Неужто и впрямь искуплю?! – с явным сарказмом в голосе хмыкнул заключённый.

– Сполна, милостивый государь, сполна! – натянул искусственную улыбку гвардеец.

– Хотелось бы верить, однако ж... – недоверчиво передёрнул плечами узник, и крепкий запах пота распространился по камере.

Сиделец мучился вопросом: что ищет в нём этот самовлюблённый хвастун, походивший куда более на распушившего хвост павлина, нежели на боевого офицера.

– Однако ж у меня мало времени, у вас же его не осталось и вовсе, – намекнул на истинное положение вещей начавший терять терпение полковник. – А за кого вы изволите принимать мою особу, это уж, увольте, ваше личное дело, любезный Павел Михайлович. Итак, полноте спорить, вот вам план спасения...

Полковник говорил часто и отрывисто, великосветская куртуазность салонного сибарита и вальяжная уверенность желанного гостя дамских будуаров исчезли без следа. Как досконально знавший поставленную задачу офицер, он излагал свои мысли чётко, ясно и до мелочей подробно, чем сразу завоевал заинтересованное внимание узника.

– Вот, пожалуй, и всё, остатнее додумаете сами. Теперь же я должен откланяться. Никишка, поди, уж заждался в коридоре, да и тюремное начальство ненароком обеспокоится. Прощайте, Павел Михайлович, не поминайте лихом. Бог даст, свидимся! – кивнул напоследок полковник и проворно скрылся за дверь. Проводив его взглядом, заключённый повалился на тюфяк и, заложив руки за голову, предался размышлениям...

Павел Михайлович Овчаров, в недавнем прошлом бесстрашный гусарский ротмистр, а ныне арестант и опасный государственный преступник, как явствовало из тюремного формуляра, принадлежал к служилому дворянству, чей род выдвинулся при Иване Грозном и едва не сгинул в лихолетье Смуты. Правление Петра Великого предоставило новый шанс семье Павла, и его дед дослужился до генеральского чина, а отец, отличившись в войнах с Турцией, обрёл обширные поместья при матушке Екатерине. Однако неуёмная страсть к игре и разгульная жизнь покойного родителя изрядно подточили помещичье хозяйство Овчаровых, и ко времени вступления Павла в права наследства их имения, одно из которых находилось в Таврической, а другое в Виленской губернии, пребывали в запустении и расстройстве. Чтобы покрыть долги и избавиться от стучавших во все двери кредиторов, молодому барину пришлось продать таврическое имение с крестьянами числом в пять сотен душ, забыть о положении недоросля и поступить на военную службу.

Неожиданная смерть императора Павла Петровича круто поменяла политические ориентиры империи, а открывшаяся в 1805 году кампания против Наполеона призвала молодого Овчарова на поле брани. Проявив геройство под Шенграбеном и Аустерлицем, поручик Овча-

ров был удостоен Георгиевского креста и золотой шпаги «За храбрость». Успехи на военном поприще и внимание женского пола вскружили голову дослужившемуся до ротмистра Павлу. Подобно покойному батюшке, он почувствовал вкус к карточной игре и с лёгкостью необычайной усвоил привычки и образ жизни богатых сослуживцев, без колебаний принявших его в своё общество. Ночные кутежи, волокитство, цыгане, дамы полусвета и, конечно, игра больно ударили по карману Овчарова. Ему пришлось влезть в долги, отказаться от выгодной женитьбы и заложить виленское имение, но вырученных денег для продолжения прежней разгульной жизни решительно не хватало. Прослужив ещё с год и совершив в составе полка поход в Галицию, он вышел в отставку и в надежде поправить дела имения удалился в деревню.

Заканчивался 1809 год. Наполеон прочно увяз в Испании, но со всей внимательностью и нарастающим недоверием наблюдал за политикой русского двора. Несоблюдение режима континентальной блокады³, о чём было договорено в Тильзите и клятвенно подтверждено в Эрфурте, негласные сношения с Англией и продолжение старой дружбы с Австрией, неудавшееся сватовство к младшей сестре царя – великой княжне Анне Павловне, а до того – Екатерине Павловне, другие неприятности, калибром помельче, убедили императора французов в неизбежности похода на Восток: «Сокрушив Россию, я сокрушу Англию, ибо в этой стране спрятан ключ к победе над подлым Островом. Его же я удушю торговой блокадой и добью экспедицией в Индостан, которую совершу с усмирённым Александром!» Размышляя о России, Наполеон постоянно держал в уме Англию, так как она оставалась единственным препятствием для осуществления его геополитических планов.

Вторжение Великой армии за Неман предварила, а впоследствии сопутствовала масштабная экономическая диверсия. Опыт печатания фальшивых фунтов стерлингов британской короны весьма пригодился Наполеону, и он с удвоенной энергией взялся за подделку российского ассигнационного рубля. В Париже, на улице Вожирар, была устроена секретная типография, и поддельные российские банкноты начали поступать в Польшу доверенному лицу Бонапарта – тамошнему банкиру Френкелю. Именно ему предстояло наводнить Россию фальшивыми деньгами. Тут-то и свела судьба-индейка отставного ротмистра с тайным агентом банкира – шляхтичем Кшиштофским, добрым знакомцем и соседом Павла по имению. Догадываясь о затруднительном положении Овчарова, как-то раз за дружеским обедом Кшиштофский предложил ему займы, на правах старинного приятеля, солидную сумму в ассигнациях. Тот с радостью принял с неба свалившуюся помощь, и через пару дней поляк вручил ему оговорённые деньги. Дома Овчаров поспешил развернуть заветный свёрток...

– О, чёрт! Это же подделки! – в отчаянии воскликнул Павел Михайлович, в холодном поту перебирая купюры и поднося их к свету.

Первым желанием было ехать к Кшиштофскому и потребовать объяснений, но, успокоившись и поразмыслив, он передумал. Неплохой рисовальщик, намётанным взглядом он вновь окинул разложенные на столе купюры. Изготовленные на отличной, отдававшей лёгкой синевой бумаге, с чётким плотным рисунком и рельефным тиснением, они заметно превосходили оригинал. Подпись ответственного чиновника Ассигнационного банка на купюрах Кшиштофского была выгравирована, тогда как на подлинных российских банкнотах упомянутый автограф ставился вручную, пером и чернилами. И наконец, надпись «100 рублей ходячей монетою» была выгравирована с ошибкой. Вместо буквы «д» на ассигнациях поляка красовалась буква «л», и вся фраза читалась как «100 рублей холячей монетою». Впрочем, проблемы с буквой «д» на этом не заканчивались. На всех банкнотах слово «государственная» также шло через «л». Мозг Павла заработал в другом направлении. Авантюрное мышление, подстёгиваемое нуждой, подсказывало, что из сложившейся ситуации можно извлечь выгоду, и выгоду немалую...

³ Запрет на торговлю с Британией и тотальный бойкот английских товаров на континенте.

Набивая руку, он испортил порядочно купюр, пока не удалось обвести чернилами выгравированную подпись банковского служащего, чтобы та выглядела натурально. Затем, уже другими чернилами, аккуратно пририсовал перемычку к букве «л», и она превратилась в «д». Однако слабая синева бумаги, рельефное тиснение и чёткий рисунок указывали на подделку.

«А что, ежели перед тем, как поработать пером, опустить ассигнации в отбеливающий раствор, а уж опосля пройтись чернилами?» – прикинул Овчаров и не замедлил осуществить задуманное.

Покойный родитель в часы досуга питал слабость к естествознанию, в особенности химия занимала его, и в одном из флигелей поместья им была устроена прилично оснащённая лаборатория. Благодаря батюшке молодой Овчаров также обладал известными познаниями в науках и, засучив рукава, взялся за дело. С помощью хлора синева на банкнотах Кшиштофского практически исчезла, но агрессивная среда полученного раствора вредила хлопковой структуре бумаги: банкнота расходилась лоскутьями прямо на глазах.

Поколдовав с неделю, ему удалось отыскать решение. Павлу улыбнулась удача, когда он поместил ассигнацию в остывающую печь. Умеренный жар русской печки старил, но не убивал бумагу и придавал ей лёгкую желтизну, размывая при этом «излишнюю» чёткость рисунка и рельефность тиснения, что делало купюры не отличимыми от оригинальных.

«Испрошу-ка я у ясновельможного пана вдругорядь займы, а там посмотрим. Бьюсь об заклад, неспроста всучил он мне фальшивки! Забота по доведению сих денег до ума не бог весть какая мудрёная. Глядишь, с процентами по закладной рассчитаюсь, да и само имение выкуплю!» – воспарил в дерзновенных мечтах Овчаров и отправился с визитом к Кшиштофскому.

За полверсты до усадьбы Буран, любимый конь ротмистра, насыщенной вороной масти, неожиданно захромал.

– Проклятье! – выругался Павел, спрыгивая на затверделую, схваченную лёгким морозцем землю. – Ах, вот оно что!

Опытный кавалерист, он безошибочно определил причину хромоты лошади.

«Быть сегодня Гераське под батогами! Не иначе вдрызг пьяным подковы, подлец, ладил! И куда староста Леонтий смотрит?! Однако ж не с руки мне на хромой лошадке к гордым панам заявляться», – подумал Овчаров и хотел уж воротиться, как вспомнил об их кузнеце Ефиме, мужике справном и непьющем.

Пустив Бурана шагом, он размышлял, как половчее повернуть разговор с Кшиштофским. Смеркалось. Стоявший на крутом берегу Вилии просторный господский дом с колоннами и мезонином был залит светом, в окнах первого этажа вальсировали пары, с подносами сновали лакеи.

«Ага, да у них тут званный вечер, а я без приглашения, да и не при параде!» – бросив придирчивый взгляд на вычищенный и отглаженный сюртук, но, увы, не новомодный фрак, скромно выглядывавший из-под накинутого на плечи дорожного плаща, посетовал Овчаров, въезжая в распахнутые, обитые медью ворота.

Дворецкий Казимир, поджарый седовласый мужчина, напоминавший хорошо выезженного племенного рысака, с учтивым достоинством принял поводья и, отдав беспокойно фыркающего Бурана на поруки конюху и кликнутому Ефиму, провёл ротмистра в сени. Войдя в заполненную шумной толпой залу, Овчаров тотчас принялся искать глазами Кшиштофского, но тут его кто-то потрепал по плечу.

– О, пан Владислав! – по-родственному тепло поздоровался с отцом Кшиштофского Павел.

– Мы думали, вы в отъезде, а посему не прислали приглашения, – изобразив удивление на полноватом, слегка обрюзгшем лице, украшенном отвислыми пшеничными усами, неуклюже оправдывался пан Владислав.

Овчаров припомнил, как, забирая деньги, говорил Кшиштофскому, что намеревается покинуть родные пенаты по делам закладной, и понимающе кивал.

– Хенрик сей же час выйдет, он с дамами! – заговорщически подмигнул старый пан, неопределённо махнув рукой куда-то в сторону.

Кшиштофский появился в обществе юной белокурой красавицы. Раскрасневшаяся, разгорячённая шампанским и танцами барышня грациозно опиралась на руку своего кавалера и была воистину прелестна. Ротмистр не мог отвести от неё глаз.

– Экий ты, братец, право! Отчего не дал знать, что не уедешь?! И ужель не признаёшь нашу Эльжбету?! – с притворной укоризной пенял и без того неровно дышавшему и сбитому с толку Овчарову Кшиштофский.

– Здравствуйте, панна! – смущённо вымолвил он. – Примите мои нижайшие извинения, но я вас взаправду не узнал!

На лице Павла играла открытая, обезоруживающая своей искренностью улыбка.

– А я вас, напротив, помню по прошлому году! Мы вместе травили зайцев, и наша охота порядочно истоптала владения Дворжецких. Хенрик, наверное, не забыл, какое ужасное «фи» нам высказала пани Бронислава. – С лукавой иронией девушка взглянула на брата.

– Младший Дворжецкий всё ещё дуется. Удивляюсь, как он меня до сих пор не вызвал!

– Вытоптанные лошадьми и собаками поля определённо стоят дуэли, ежели сами хозяева, подобные своре борзых, не травили зайцев в компании столь очаровательной панны, – нашёлся с ответом начавший обретать обычную уверенность Овчаров.

С хоров грянула мазурка. Глаза Эльжбеты и Павла встретились. Прекрасная пара закружилась в танце.

«Как... как некстати он приехал!» – озирая танцующих, досадовал Кшиштофский. «Наверняка догадался, что деньги фальшивые. Ну и что из того? Я мог и не знать об том!» – попытался неуклюже успокоить себя пан Хенрик, вытирая со лба проступивший пот. «И чёрт меня дёрнул довериться пану Тышкевичу! А всё ведь батюшка подстроил!» – готов был провалиться сквозь землю он.

Офицер разведки Великого герцогства Варшавского, созданного Наполеоном из оторванного от разгромленной Пруссии куска старой Речи Посполитой, полковник Тышкевич выполнил просьбу доброго знакомого пана Владислава – генерала французской службы Михала Сокольниковского и привлёк молодого Кшиштофского к делу восстановления Польши. При их первой встрече в Вильне в августе 1811 года Тышкевич настойчиво посоветовал пану Хенрику наведаться в Варшаву и сойтись поближе с банкиром Френкелем: «Когда пан Френкель о чём-нибудь вас попросит, не замедлите исполнить его желание. Это будет вашим первым поручением»

Кшиштофский вернулся от Френкеля с тяжёлой мошной, набитой фальшивыми русскими ассигнациями, и теперь активно занимался их распространением. Идея всучить фальшивки Овчарову возникла спонтанно. Ни Тышкевич, ни сам банкир не ограничивали его в вопросах сбыта. Они ограничивали его лишь временем. «Соблаговолите обернуть дело так, чтобы к весне следующего, 1812 года ваши чемоданы оказались пусты», – напутствовал банкир Кшиштофского, передавая ему фальшивки. Тот без энтузиазма отнёсся к поставленной задаче. Он надеялся послужить родной Отчизне иначе. На коне и с саблей наголо. Или хотя бы совершить какой-нибудь геройский поступок. А тут эти банкноты. Однако он дал слово, а посему был вынужден исправно избавляться от доверенных ассигнаций.

Музыка смолкла, и Овчаров вернул Эльжбету брату. В эту минуту дворецкий Казимир объявил о прибытии очередного гостя, имя которого Павел не расслышал. Кшиштофский торопливо извинился и, оставив сестру на его попечение, кинулся навстречу вошедшему. Тем временем танцы продолжались. Павел менял дам, дамы передавали Павла другим дамам, и когда Овчаров вновь нашёл глазами Кшиштофского, определённо не желавшего нарушать

его приятное времяпровождение, то вспомнил, наконец, цель своего визита. Поняв, что отделаться от неожиданного гостя с помощью красавицы сестры ему едва ли удастся, пан Хенрик поспешил к ротмистру.

– У тебя ко мне разговор? – натужно кашлянув, искательно обратился он к Павлу.

– Проклятая закладная! Представь, мне пришлось уплатить все проценты по ней, и сейчас я опять стеснён, – нарочито мялся и ломал комедию Овчаров.

– Так ты всё-таки ездил?!

– А ты как думал!

– И заплатил?!

– Разумеется, до последней копейки.

– И... что же? – с трудом справляясь с волнением, выдал из себя Кшиштофский.

– И теперь вот сию, братец, сызнава без денег.

– А... Так, стало быть, тебе надобны деньги! – хлопнув себя по лбу и извиняясь за свою недогадливость, воскликнул он.

– Был бы весьма обязан тебе, Хенрик. Я и без того тебе должен, но ежели сможешь...

– О чём речь, право! Разумеется, смогу! – с неподдельным воодушевлением зачастил он. – Идём, поднимемся ко мне!

По пути им встретился человек весьма неприятной наружности, с жёстким колючим взглядом и худым мертвенно-бледным лицом, подчёркивавшим жёсткую колючесть этого взгляда, – тот самый господин, чьё имя не разобрал Павел, когда его объявлял дворецкий. Он оторопел, как подобострастно, втянув голову в плечи, поклонился неизвестному Хенрик, и тот ответил едва уловимым опусканием век.

«А это ещё что за гусь? Хоть и во фраке, а похож на штабного в чине», – подумал ротмистр, входя в кабинет Кшиштофского...

Ефим ладно перековал Бурана. Конь шёл легко, едва касаясь копытами земли, яркая луна освещала дорогу, и через три четверти часа Овчаров курил трубку у себя дома, внимательно рассматривая одолженные деньги. Всё было то же. Рельефное тиснение, плотный чёткий рисунок, бирюзовый оттенок бумаги, «л» вместо «д» и выгравированная подпись банковского служащего.

«Что ж, завтра и приступим, – обдавая дымом ассигнации, неторопливо размышлял Павел, покойно развалясь в креслах. – А сейчас не худо б и соснуть».

Спать, однако, не хотелось. Прелестная Эльжбета не выходила из головы. Её нежная лебединая шея, чудесные светло-русые волосы, обрамлённые блиставшей бриллиантами диадемой искусной работы, открытая, глубоко декольтированная грудь и влекущий дурмящий запах духов, исходивший особенно сильно во время танца, будоражил не одно лишь воображение. В нём проснулось желание, и он позвонил в колокольчик. Слуга Тихон, бывший денщиком Овчарова ещё в пору его воинской службы, с заспанной физиономией вырос на пороге комнаты.

– Что, Тишка, небось, храповицкого задавал, так хозяина и не дождавшись?! – делано хмуря брови, строго спросил он.

– Никак нет, ваш высокоблагородь, барин! – моргая глазами и подавляя предательский зев, виновато отвечал Тихон.

– Никак нет, никак нет... Заладил, дурак! Знаем мы ваше «никак нет»! Опять вздор несёшь! Вот что, Тихон... – Сменив гнев на милость, он поднялся с кресел и, приняв деловитый вид, принялся набивать трубку. – Помнишь Басю, жену плотника... как бишь его по имени?

– Витольд, – услужливо подсказал слуга.

– Ах да, Витольд! Отчего его в рекруты до сих пор не забрали? Я же приказывал! – неожиданно вспыхнул он непритворным гневом.

– Забрали, барин, забрали. Десять дён как забрали, будьте покойны.

– Тогда ладно. Приведь-ка мне её сюда, братец! – огорошил его своим приказом Овчаров.

– Сюды?! Кого?! Её?! – испуганно выпучив глаза, часто заморгал Тихон.

– Ты мне ваньку не валяй – «кого-кого?». Я велю привести ко мне Басю, кою отдали за Витольда, плотника. Понял, дурья твоя башка?

– Чаво уж не понять. Вижу, побаловаться изволите. Право ваше, господское. Тока нехорошо это, да и пойдёт ли она. Поздно уж.

– А ты дюже не рассуждай, пойдёт – не пойдёт, а исполняй что велено! А хорошо или нехорошо – это уж не твоего холопского ума дело. И что это ты вдруг вздумал судить да рядить?! Вот прикажу высечь на конюшне – в одночасье поумнеешь!

– Воля ваша, тока сечь-то зачем? – невольно почёсывая спину, обиженно пробурчал собравшийся было уходить Тихон.

– Стой! – крикнул ему вслед Овчаров. – Вот, возьми бусы и отдай их Баське. Скажешь, от барина подарок. Коли приведёшь, на водку получишь, да и на корчму тебе останется довольно!

– Слушаюсь, ваш высокоблагородь, барин! – засовывая бусы за пазуху, отвечал верный слуга.

Тихон выполнил приказ хозяина и привёл смущённую, мучавшуюся сомнениями и тревожными предчувствиями Басю.

Отпустив старого слугу, Павел подошёл к молодой женщине.

– Бася, я тебе хоть капельку нравлюсь? – стараясь преодолеть её робость, вкрадчиво спросил он.

Бася молчала, не смея поднять глаз. Потом с видимым усилием проронила:

– Я мужняя жена, барин. Что люди скажут? Позор, позор ведь какой! – жалостливо всхлипнула она.

Овчарову причитания девушки показались наигранными, он обнял её за плечи и привлёк к себе. Подаренные бусы гроздьями спелого граната горели на её вздымавшейся груди...

«Подарок-то мой нашёл себе место! Да и неспроста она их нацепила!» – воодушевился Павел, покрывая поцелуями шею и грудь Баси. Та не отстранялась; казалось, она смирилась со своей участью и теперь желала лишь одного – чтоб всё свершилось как можно скорее. Её покорность разжигала страсть Павла. Дрожащая в нетерпении рука нащупала шнуровку на полотняной рубашке девушки.

– Не надо, барин, я сама, тока унесите свечи! – с придыханием прошептала Бася, принимаясь раздеваться. Рубашка, лиф и юбки, одна за другой, бесшумно устлали пол кабинета.

Он подошёл к камину и, сняв с полки тяжёлый бронзовый канделябр со снопом горевших свечей, разом задул их. В отсвете жарко польхавшего в камине огня скульптурное великолепие Басино тела стало ещё желанней. Просторные балахоны селянки, дотоле скрадывавшие её красоту, исчезли, и его взору предстала обнажённая нимфа, настоящая наяда. Он отказывался понимать, что перед ним его крепостная девка Бася, а не богиня, сошедшая с небес. Не мраморная в своей холодной, недостижимой недоступности, а живая, дышащая, скроенная из плоти и крови, жаждущая раз познанной любви женщина.

– Бог мой, как ты прекрасна! – восклицал он, вновь и вновь целуя её шею.

Убранная на затылке тяжёлая коса, подчиняясь ласкам Павла, рассыпалась по плечам Баси, укрыв его горевшее лицо золотым покровом. Напитанные ароматом цветов волосы и молочный запах кожи, упругой и бархатистой, кружили ему голову, он становился рабом её капля за каплей...

Пока Павел развлекался с оказавшейся на удивление горячей и отзывчивой в телесной любви Басей, Кшиштофский получал нагоняй от полковника Тышкевича, человека с бледным лицом и колючим взглядом, случайно попавшегося им на пути в кабинет пана Хенрика.

– Вы допустили грубую, непростительную ошибку, когда показали, что знакомы со мной, тому русскому вояке ротмистру, – нервно теребя рукава безукоризненного, приталенного по моде фрака, гневался Тышкевич.

– Изволю вам за-за-заметить, ро-ро-ротмистру в отставке, па-па-пан полковник, – униженно оправдывался, дрожа губами и сильно заикаясь, Кшиштофский.

– Сегодня в отставке, а завтра – в действующей армии царя-батюшки, – презрительно хмыкнув, энергично махнул рукой Тышкевич. – И какого дьявола вы снова всучили ему ваши деньги?! – всё более и более распалялся он. – Полагаете, ваш обнищавший офицерик не догадался, что они фальшивые?!

– Наши деньги! – напомнил красный, как рак, Кшиштофский.

– Вот именно, что наши! Коль он догадался, что деньги фальшивые – а он догадался, я в том уверен, – тогда отчего попросил у вас опять займы? Что на это скажете, пан хороший?!

– М-м-м, – невнятно мычал, затрудняясь с ответом, пан Хенрик.

– А-а... Ясновельможный пан не знает, что и придумать! – беспощадно дырявил его взглядом Тышкевич.

– Но банкир Френкель, да и вы, пан полковник, дали мне карт-бланш касаясь реализации ассигнаций, – кое-как овладел собою Кшиштофский.

– Да, верно, дали на свою голову! Но надо же понимать, чёрт вас возьми: когда просят займы заведомо фальшивые деньги, это не шутка! Здесь сокрыт тайный умысел, иначе и быть не может!

Кшиштофский уже не краснел, а лиловел и последними словами ругал себя, зачем сболтнул Тышкевичу о давеча слаженном деле. Видать, известие, что Овчаров благополучно расплатился его деньгами в казённом месте, настолько вскружило голову, что отказать в повторном займе, не говоря уже о трезвом осмыслении подобной просьбы, попросту не входило в комплекс сознания несказанно обрадованного пана Хенрика.

– Добже⁴, – неожиданно смягчился Тышкевич, глядя на несчастного, переминавшегося с ноги на ногу Кшиштофского. Он вспомнил, что молодой шляхтич – креатура живущего в Париже и пользующегося доверием самого Наполеона генерала Сокольниковского, а потому сбавил обороты.

– У всякого бывают обидные промахи, пан Хенрик, – со снисходительным миролюбием продолжил беседу он. – Забудем об этом разговоре. Однако, – морщил бледный лоб полковник, – вам следует отдать визит вашему другу ротмистру и попробовать пролить свет на истинные мотивы его действий. Тем паче когда мы в точности знаем, что наши деньги излишне хороши против оригинала. А посему, пребывая в неведении касаясь первопричины столь странного поступка вашего друга, мы будем вынуждены приостановить, – приложился к лицу Кшиштофского своим мало располагавшим взглядом полковник, – наши денежные операции. Мера сия определённо повредит великому делу возрождения Польши, да и вам лично, мой дорогой пан Хенрик. Его превосходительство генерал Сокольниковский, под чьим высоким покровительством... Впрочем, довольно, не будем раздувать пожара и делать из мухи слона, – осёкся на полу фразе Тышкевич. – Лыщу себя надеждой, в доме ротмистра вы отыщете столь нужные нам ответы. А теперь идёмте танцевать, а не то наше отсутствие станет заметным.

Не отличаясь аккуратностью и любовью к порядку – к слову сказать, эти добродетели были чужды и денщику Тихону, – Овчаров не разочаровал приехавшего к нему Кшиштофского, предоставив обильную пищу его уму и воображению. Беспорядочно теснившиеся на конторке чернильницы, склянки с красками, обломанные и очинённые перья, валявшиеся на полу кабинета и в гостиной, неубранные листы бумаги, пестревшие одними лишь подписями, обратили на себя заинтересованное внимание пана Хенрика. Сличив подписи

---

⁴ «Хорошо» (польск.).

на незаметно подобранном и спрятанном в кармане листе и на бывших при нём ассигнациях, Кшиштофский всё понял и поспешил поделиться открытием с Тышкевичем. Полковник сиял довольством, а когда пан Хенрик предъявил ему «исправленную» банкноту, выкраденную у Овчарова, испытал полный восторг.

Планы использовать способности отставного ротмистра по «доводке» ассигнаций с тех пор не оставляли Тышкевича, пока тот не попался на собственной беспечности. Покинув наводнённый фальшивками родной Виленский край, Павел решил сбыть собственные изделия в Смоленской губернии, а уж после заняться закладной. В одном доме он сошёлся с местным земским исправником и уселся с ним за карточный стол. Исправник оказался заядлым картёжником и, проигравшись дотла, долго не отпускал Павла, предлагая в заклад имевшиеся при нём ценные предметы. По доброте душевной Овчаров согласился и ссудил исправника своими изделиями. По иронии судьбы в кипу его подделок затесалась пара «неисправленных» банкнот. Съевший собаку на фальшивых ассигнациях исправник забил тревогу. Павла тотчас арестовали и под конвоем препроводили в тюрьму Королевского бастиона Смоленского кремля, где его и нашёл флигель-адъютант Чернышёв, в недавнем прошлом ответственный сотрудник Секретной экспедиции при Военном министерстве и личный представитель императора Александра при Наполеоне.

Благодаря перехваченному русской контрразведкой письму Кшиштофского к Тышкевичу агентам Высшей воинской полиции удалось выйти на ряд ключевых фигур грандиозной аферы и установить косвенную причастность к ней Овчарова. Однако найти самого ротмистра в связи с начавшейся войной оказалось непросто. То, что тот коротает свои дни в тюрьме Смоленской крепости и со дня на день может быть казнён по законам военного времени, стало известно Чернышёву в Москве в середине июля, на пятый день приезда туда царя. К тому времени Наполеон лихорадочно искал встречи с отступавшей русской армией, а император Александр принимал заверения в преданности и жертвенном служении Отечеству от дворянства и купечества в Слободском дворце своей древней столицы. Дождавшись отъезда государя в Петербург, Чернышёв, нещадно загоняя лошадей, в два дня домчался до Смоленска. У него возникли далеко идущие и весьма амбициозные планы в отношении арестанта...

От неподвижного лежания на тюфяке затекла голова, и Овчаров, потягиваясь и разминая затылок пальцами, пересел на табурет. Никишка принёс обедать. «Однако ж», – сглатывая слюну, удивлённо присвистнул Павел, глядя на поднос, накрытый салфеткой, из-под которой исходил дивный, давно забытый им запах. Его нехитрый стол, прежде состоявший из пустой капустной похлёбки, куска зачерствелого хлеба и мутного, непонятно из каких ягод приготовленного киселя, был заменён на крепко сваренный мясной бульон, жареную курицу и графин белого вина.

«Видать, господин кавалергардии полковник основательно за меня взялся – ишь как Никишка расстарался!» – не переставал поражаться Овчаров, наблюдая за прибирающим камеру стражником. Вечером метаморфозы продолжились. Тощий, пожранный крысами тюфяк сменила походная кровать с чистым бельём, узкая, но достаточно удобная; появились книги и писчая бумага; на столе горели свечи, цельные, из благовонного воска, а не служившие тараканьим лакомством ничтожные сальные огарки, и, наконец, набитая отличным табаком трубка подвела итог дню чудес. Со словами: «В чём нужда будет, спрашивайте, барин, не сумевайте, а щас я вам баньку сооружу!» – Никишка почтительно удалился.

«Пожалуй, надобно принять предложение высоко летающего гвардейца, а то худо выйдет. Да и что мне за оказия во цвете лет погибать? Государь милостив, вдруг и вправду простит? – пребывая в уютном расслаблении, размышлял почувствовавший вкус к жизни Павел. Отложив в сторону так и не открытую книгу, он повернулся на правый бок и заснул, как младенец.

Прогноз, сделанный Овчарову Чернышёвым относительно ближайшего развития событий, полностью оправдался. Наполеон переправился на левый берег Днепра и форсированным

маршем двинулся на Смоленск. Конница Мюрата атаковала передовые части дивизии Неверовского, но была им задержана на подходе к городу. Построив дивизию на большаке и прикрываясь придорожным лесом, Неверовский отступал шаг за шагом, препятствуя неприятелю зайти в тыл двум русским армиям. Барклай, расположившись на господствующих высотах близ Смоленска, настаивал на дальнейшем отступлении, чем вызвал крайнее неудовольствие равнявшегося в бой Багратиона. На военном совете точка зрения военного министра возобладала – Багратиону пришлось подчиниться. Получив известие, что главные силы русских отходят, Наполеон дал приказ начать атаку на город. Пехота маршала Нея пошла приступом на Королевский бастион...

Грохот рвущихся снарядов среди ночи разбудил Павла. Подземелья бастиона едва скрадывали адский рёв бьющих по верхам стен тяжёлых французских гаубиц, перекрывавшийся ответным огнём русской артиллерии, установленной на гребне его земляных валов. Воздух над бастионом густо наполнился свистом пуль и жужжанием ядер. Едва французы овладевали валами, как их сбрасывала вниз штыковыми атаками русская пехота генерала Паскевича. Возгласы штурмующих и обороняющихся, свист снарядов, шипящий звон исторгаемой единорогами картечи, крики и стоны раненых сливались в единый безумный гул. Фейерверкеры исполняли должности убитых канониров и сами подносили снаряды. От пушечных лафетов и зарядных ящиков летела щепка. Ядра, картечь, гранаты сыпались непрерывным дождём; зажигательные снаряды – брандкугели, залетая за городские стены, поджигали дома и церкви. Страшный, невероятной силы взрыв сотряс кремль, и его отзвук достиг бастиона. Это взлетели на воздух пороховые склады, подожжённые защитниками города. Смоленск запылал. Одно из неприятельских ядер угодило в заделанную кирпичом арку тюремного каземата, пробив в ней брешь с человеческую голову.

«Ежели так пойдёт и далее, я прямо здесь Богу душу отдам, задохнувшись в чёртовой мышеловке», – подумал Павел, затыкая пробойну подушкой. Однако едкий дым продолжал проникать внутрь. Першило в горле, и он отпил вина.

– Никишка, ты где, братец? – сдавленным голосом кликнул он караульного, но никто не отозвался.

«Сбежал, небось, трус, и наверняка с ключами, а про меня позабыл, скотина!» – досадовал Овчаров, меряя шагами свободное пространство узилища и пробуя плечом его тяжёлую дверь. От проникавшего дыма слезились глаза, саднило горло, голова шла кругом. Завернувшись в одеяло, он рухнул на кровать и впал в тупое, обволакивавшее сознание забытьё.

Так прошло несколько часов. Громкие голоса вернули его к действительности. Пошатываясь, он подошёл к двери и припал ухом к замочной скважине. Говорили по-французски, но слышалась и другая иностранная речь. «Хм, так это же поляки!» – узнал он с сызмальства знакомый диалект. Собравшись с духом, Павел принялся барабанить по мощной дубовой двери и звать на помощь. Французы услышали его и, допросив через дверь, ушли за ключами. Вскоре привычный скрежет в замке возвестил, что ключи нашлись. Дверь в камеру распахнулась, на пороге стоял Кшиштофский...

Когда двенадцатого июня Наполеон перешёл Неман, начав Вторую польскую войну, а ещё через четыре дня был восторженно встречен в Вильне польско-литовской шляхтой, оглашавшей улицы города криками «Виват цезарь!» и «Ещё Польша не сгинела!»⁵, Кшиштофский понял, что его час пробил. Лично представившись своему покровителю генералу Михалу Сокольниковскому, состоявшему при Главной квартире армии Наполеона в качестве эксперта по России и одному из руководителей императорской разведывательной службы, пан Хенрик был зачислен в Пятый польский корпус князя Понятовского лейтенантом. Однако накануне падения Смоленска, к своему крайнему неудовольствию, его неожиданно отозвали из Пятого

⁵ «Ещё Польша не погибла». Строка польского гимна.

корпуса и перевели в разведывательное ведомство самого пана Михала в том же чине. Сокольницкий принял в расчёт предвоенную деятельность Кшиштофского, да и его знание российских реалий сыграло не последнюю роль. Состоявший при генерале капитан Солтык также владел русским языком, однако Сокольницкий предпочёл иметь возле себя ещё одного преданного человека, и на эту роль сын его старинного приятеля подходил как никто другой. По мере продвижения Великой армии на восток на фоне организованного отступления неприятеля, не дававшего втянуть себя в генеральное сражение, становилось ясно, пока ещё, быть может, немногим, что кампания приобретает затяжной характер. Русские постоянно ускользали, навязывая нападающим французам тяжёлые арьергардные бои и затягивая их армию самой логикой этой войны вглубь своих необъятных просторов. В сложившихся обстоятельствах пан Михал счёл за благо держать при себе преданного человека, хорошо владевшего русским языком и посвящённого в национально-бытовые особенности русской жизни.

– Вы будете более полезны мне и моему разведывательному бюро, пан Хенрик, нежели князю Понятовскому, – разъяснял он свою точку зрения Кшиштофскому. – Убеждён, его корпус легко обойдётся без вас, там и так предостаточно на всё готовых сорвиголов. Кстати, до меня дошли слухи, что вы уже побывали в деле и понюхали порошу, не так ли?

– Довелось, пан генерал. Участвовал в нескольких стычках с казаками и имел честь преследовать русский арьергард. Кажется, это были отступавшие батальоны армии Багратиона.

– И?.. – горел нетерпением Сокольницкий.

– Мне удалось пленить одного офицера, полковника, – глядя в пол, проронил он. То, что пожилой русский полковник был серьёзно ранен и едва держался в седле, пан Хенрик благоразумно опустил.

– Добже, добже, однако не обижайтесь на меня, пан Хенрик. Вы действительно нужны мне и, я уверен, ещё добудете себе славу героя. Именно это я обещал вашему батюшке.

– Премного благодарен вашему превосходительству. Надеюсь оправдать ваше доверие, пан генерал, – щёлкнув каблуками, бодро отвечивал Кшиштофский, хотя на сердце у него скребли кошки.

«Неужто придётся опять ловить рыбу в мутной воде?» – мрачные думы охватили его.

Перспектива штабной работы не улыбалась новоиспечённому лейтенанту, мечтавшему о ратных подвигах и лаврах победителя русских.

Полковник Тышкевич, тот самый человек с колючим взглядом и мертвенно-бледным лицом, доложил пану Михалу о работе пана Хенрика по сбыту фальшивых русских ассигнаций, обрисовав её в весьма радужных тонах. В ходе той беседы он со всей настойчивостью убеждал Сокольницкого в необходимости найти отставного ротмистра Овчарова, арестованного русскими властями, и продемонстрировал ему «исправленные» Павлом банкноты. Генерал не преминул показать его изделия Наполеону, после чего поисками ротмистра занялись всерьёз. Когда пешие гренадеры маршала Нея и польские фузилёры Вислинского легиона заняли Королевский бастион и обнаружили в одной из камер едва не задохнувшегося Овчарова, об этом немедля узнал Сокольницкий. Он спешно отослал на место Кшиштофского с приказом Наполеона поручить узника его заботам. Этим и объясняется столь скорое и, быть может, неожиданное появление в подземном каземате пана Хенрика. Ротмистр был приготовлен к подобной встрече. О том позаботился полковник Чернышёв...

– Ну, как ты, друг?! Вижу, жив, Матка Боска!⁶ – Вы вовремя успели. Ещё чуть-чуть – и я бы задохнулся! – с трагедийными нотками в голосе поведал о своей несостоявшейся участи Овчаров после объятий с Кшиштофским.

По правде говоря, ему не пришлось особо играть и представляться. Исчезновение Никишки, городские пожары и задымление камеры не добавляли настроения Павлу. Появ-

⁶ «Матерь Божья» (польск.).

ление Кшиштофского он воспринял как манну небесную, да и пан Хенрик был рад видеть его живым и невредимым. Невзирая на ненависть к России, он по-своему неплохо относился к Овчарову, питая к нему определённо приятельские чувства. В нём он не видел врага и на бесознательном уровне отделял Павла от остальных русских.

– Когда тебя арестовали, я... и не один я, но и отец и Эльжбета думали о тебе и, упоывая на счастливый исход, непрестанно молились. И вот, Матка Боска, ты нашёлся, ты живой и, надеюсь, здоровый?! – растроганно бормотал расчувствовавшийся пан Хенрик. – Кстати, а какого дьявола мы всё ещё торчим здесь? Не пора ли перебраться в более подходящее место и сменить, наконец, эту чёртову квартиру. Пойдём, я познакомлю тебя с человеком, который решит твою судьбу.

«Уже второй человек желает устроить мою судьбу!» – глядя на сгоревшую свечу, усмехнулся своим мыслям Павел. Не успели они выйти из камеры и сделать несколько шагов по коридору, как краем глаза Овчаров заметил, что кто-то проворно шмыгнул в её полуотворённую дверь. «Ищите, ищите! Всё равно ничего не найдёте!» – удовлетворённо хмыкнул он, следуя за поляком. По совету Чернышёва, предвидевшего возможный обыск, он хранил одни лишь книги и не делал записей. Так что писчая бумага, принесённая по собственному почину Никишкой, оказалась невостребованной.

Когда они выбрались из подземелья и поднялись на дымившиеся валы бастиона, усеянного расколотыми станинами пушечных лафетов, перевёрнутыми зарядными ящиками и разбитыми орудийными передками, им бросились в глаза изуродованные тела его защитников, в одном из которых Павел узнал караульного Никишку. Лафетное колесо с выбитым косяком покоилось на его окровавленной, разодранной картечью груди.

«Прости, братец, что дурно подумал о тебе!» – навеки попрощался с караульным Овчаров, и, кинув последний взор на побоище, приятели отправились в город.

Смоленск лежал в руинах. Уничтожив деревянные строения, пожары перекинулись на каменные дома, жадно облизывая огненными языками их почерневшие, в глубоких выбоинах и трещинах стены. Несмотря на героические усилия борющихся с огнём французов, пламя вплотную подобралось к уникальному архитектурному комплексу Соборной горы, и лишь вмешательство гвардии обуздывало стихию. Павлу с Кшиштофским пришлось долго обходить обуглившиеся завалы и горевшие здания, возле которых лежали распростёртые тела погибших вперемежку с конскими трупами. Когда они добрались до расположения Главной императорской квартиры, лица их были черны от копоти, а красные от всепроникающего дыма глаза беспрестанно слезились.

Свидание с Сокольницким прошло как нельзя удачно. Овчаров с чистосердечной подробностью, как наставлял его Чернышёв, поведал пану Михалу о себе, своих злключениях и, конечно же, технологии доведения до качества оригинала ассигнаций банкира Френкеля. Генерал остался доволен, угостил гостей превосходным лафитом и приказал отвести им помещение близ Главной квартиры.

– Не исключено, что император удостоит вас аудиенции, поэтому будет удобнее, чтобы вы разместились неподалёку, – как бы невзначай бросил он напоследок.

Стремясь настичь и уничтожить откатывавшуюся всё дальше на восток, теперь уже объединившую русскую армию, Наполеон, вопреки первоначальным планам, решил долго не задерживаться в смрадном от пожарищ и гнивших на ужасающей жаре трупов лошадей и людей Смоленске. Ими были завалены городские рвы, пруды, сады, и даже в домах и на улицах оставались неубранные тела. Страшное зловоние окутывало город. Участвовавшее мародёрство, грабежи мирных жителей, болезни солдат (свирепствующая дизентерия выкашивала целые батальоны) и дезертирство из нефранцузских частей беспокоили императора, и он срочно занялся учреждением новой администрации. По завершении этой работы, оставив раненых и шеститысячный гарнизон вместе с многочисленными интендантскими службами

и не дожидаясь подхода отставших более чем на пятьдесят вёрст лазаретных фур, Бонапарт двинулся вперёд.

Ожесточённое арьергардное сражение при Валутиной горе, происшедшее седьмого августа, задержало его ещё на трое суток, но уже одиннадцатого числа он устремился вслед за армией, преследовавшей Барклая по московской дороге. Дразнящее маневрирование русских под самым его носом, частое соприкосновение с ними в арьергардных боях, оборона Смоленска и последовавшее отступление являлись той почвой, той питательной средой, на которой зиждильсь расчёты Наполеона. Ещё чуть-чуть, ещё пара усилий, один-два форсированных марша – и он достанет русскую армию и навяжет ей сражение. А уж тут он не даст им спуска. Он разобьёт русских наголову, после чего «неблагодарный» Александр запросит спасительного для себя и своей империи мира. И он снизойдёт, подпишет этот мир, разве что он будет в разы жёстче и суровее, нежели мир Тильзитский.

Настойчивые предупреждения «наивного» Коленкура, отозванного Бонапартом из Петербурга в 1811 году и заменённого на более «функционального» Лористона, о том, что царь не пойдёт на мир ни при каких обстоятельствах, пока он, Наполеон, будет оставаться в России, лишь сотрясали воздух⁷. Император оставил их без внимания... «Александров министр полиции Балашов приезжал же ко мне с примирительными увещеваниями, когда я едва переправился через Неман. Значит, приедет ещё раз», – примерно так рассуждал он. Снисходить до постижения скрытых пружин политики русского двора, тайных глубин русского менталитета и мотивации самого царя он полагал излишним. Подобной ерундой император французов не занимался.

Сокольницкий представил Павла Наполеону за два дня до выступления Главной квартиры из Смоленска. Кшиштофский также был представлен императору, но тот предпочёл говорить с одним Овчаровым. Сидя на приземистой арабской кобыле, Наполеон смотрел на собеседника сверху вниз, что причиняло последнему заметные неудобства. Приходилось постоянно держать задранной голову и при этом почтительно кивать, не отводя глаз от высочайшей особы. Бонапарт приказал Павлу исправить как можно больше уже выпущенных ассигнаций и подумать над ошибками и неточностями на медных клише, с помощью которых печатались банкноты.

– В случае нужды в чём или ком-либо забирайте что и кого пожелаете. Бертьё! – обратился он к невысокому пожилому человеку с несоизмеримо большой по отношению к телу головой и густыми курчавыми волосами неопределённого цвета, упрямо выбивавшимися из-под украшенной плюмажем треуголки. – Когда таковые прошения последуют, – поднятием век он указал на Овчарова, – сообразовайте надлежащим образом выполнить их.

Подобострастным поклоном маршал дал понять, что в точности исполнит желание императора.

– То, что выгравировано, я имею в виду отступления от русской орфографии, того уж не поправишь, ваше императорское величество, – со всей осторожностью отвечал Овчаров. – Единственную вещь, кою я могу сделать наверняка, так это выгравировать перемычку в русской букве «л», чтобы превратить её в «д», хотя идеального сходства достичь всё равно не удастся. Опосля должно будет поработать с бумагой и в первую очередь убрать синеву.

– Знаю, вам это по силам.

– Да, сир. Я в состоянии решить эту задачу, не нанося ущерба самой бумаге. Одно пожелание, ваше величество. Смею заметить, что сто- и пятидесятирублёвые ассигнации будет затруднительно сбыть, особенно крестьянам, да и среди купцов, вероятно, могут возникнуть препятствия. Ассигнации же в двадцать пять рублей реализовать куда проще, хотя и здесь я вижу трудности. Номинал всё же крупноват будет. – Овчаров на минуту задумался и, будто очнув-

---

⁷ Александр был готов отступить до Камчатки, только не подписывать мира с Бонапартом.

шись, промолвил: – Осмелюсь попросить ваше величество позволить заняться настоящими банкнотами, а в будущем изготовить новые клише для печатания десятирублёвых ассигнаций.

Французы успели хлебнуть горя со сторублёвыми купюрами, поэтому Наполеон слушал Овчарова благосклонно. Однако случись сказать Павлу подобную ересь чуть раньше, к примеру в начале похода, гнев императора неминуемо обрушился бы на его голову. Сейчас же положение изменилось, и не только с банкнотами. Павел не мог знать, что, не успев захватить Смоленск, Бонапарт предпринял попытку «договориться» с Александром, попросив написать попавшего в плен в сражении при Валутиной горе раненого генерала Тучкова своему брату, корпусному командиру армии Барклая. В том письме, отправленном напрямую русскому царю из штаба Первой армии, содержались мирные «инициативы» Наполеона, оставленные, как и предрекал умный Коленкур, без внимания.

– Поступайте как сочтёте нужным. Я даю вам карт-бланш, – милостиво проронил Бонапарт и, едва заметно дав лошади шпоры (он не слишком уверенно держался в седле), в окружении блестящей и многочисленной свиты поскакал к развёрнутому фронту усачей-гвардейцев.

Идея ликвидации синевы в остывающей русской печке была проста и гениальна, как и метод старения бумаги. Поскольку Великая армия располагала несколькими передвижными типографиями, предназначенными для печатания русской валюты, Наполеон отвёл Павлу неделю на доводку уже готовых банкнот, имевшихся в его распоряжении, после чего Овчаров должен был покинуть Смоленск и догнать Главную квартиру. Бонапарт решил, что такого дельного и скрупулёзного малого лучше иметь под рукой, а не где-то там в далёком тылу.

Овчаров не стал убивать время на тщательную прорисовку чернилами напечатанных на банкнотах подписей чиновников Ассигнационного банка, а ограничился превращением буквы «л» в «д», после чего взялся колдовать над «испорченными» клише. Кшиштофский неотлучно находился при Павле и даже привёл к нему местного умельца, знавшего толк в гравёрном мастерстве. Пахом – так звали мастерового – оказался гравёром от Бога и ловко переправил «л» на «д» на самих гравировальных досках. За неимением чистых медных досок изготовить новые клише для печатания десятирублёвых ассигнаций оказалось невозможным. Пришлось срочно снестись с Бертье.

Памятуя о пожеланиях суверена, начальник Главного штаба Великой армии приказал незамедлительно доставить доски под клише императорской эстафетой. Покончив с исправлением выпущенных ассигнаций (разумеется, малой их толики – одному человеку выполнить подобный объём работы, пусть и за неделю, было физически невозможно; фальшивых банкнот напечатали на миллионы рублей) и сделав энное количество банкнот с помощью клише, исправленных Пахомом, Павел, Кшиштофский, его денщик и сам Пахом, которого настоял взять с собой Овчаров, под охраной взвода драгун поспешили догонять Главную квартиру. Поездка с фальшивыми деньгами и передвижная типография следовали с ними...

Глава 2. Московской дорогой

Московский большак на протяжении нескольких вёрст от Смоленска вольно бежал вдоль Днепра, пока покрытые частым смешанным лесом холмы не зажали его, и дорога завилыла меж них по узкой песчаной теснине. Изменение ландшафта привнесло беспокойство в настроение командира драгун, седоусого, выдавшего виды капитана, прошедшего не одну кампанию со своим императором. С высоты холмов маленький отряд был виден как на ладони, а густая зелень деревьев служила отличным укрытием и местом для засады. Хотя русская армия ушла далеко вперёд, а на её хвосте висела армия французская, бывалый вояка хмурился, тербил ус, часто задирает голову, буравя взглядом непроницаемую листву и напрягая слух, пытался распознать всякий подозрительный шорох. Поначалу Кшиштофский с Овчаровым посмеивались над казавшейся им излишней бдительностью капитана, однако и им по мере приближения вечера передалась его озабоченность.

– Господин капитан, вас что-то беспокоит? Нам грозит опасность? – не выдержав гнетущей тишины, нарушил молчание Кшиштофский.

– Как вам сказать, лейтенант. Русской армии здесь, положим, нет, но я опасаюсь партизан.

– Партизан?! Вы полагаете, здесь могут быть партизаны?! – едва не поперхнулся от нервного удивления пан Хенрик.

– За время нашего пребывания в Смоленске в округе объявились шайки отъявленных головорезов, нападавших на фуражиров, транспорты и отдельные небольшие отряды, как наш с вами, например.

– Но из кого состоят эти, как вы изволили выразиться, шайки? И как, чем они вооружены?! – не на шутку разволновался Кшиштофский.

– Да из всякого сброда: мужичья, крестьян местных, ну и отставших солдат и офицеров регулярной русской армии. *Diable!*⁸ Чтоб им всем пусто было, *au Nom de Sacre Dieu!*⁹ – сплюнул в сердцах он. – До Витебска и Смоленска этой сволочи и видно не было, зато теперь она нащупала наши уязвимые места и перешла к активным действиям. А вооружены эти бандиты не хуже нашего: ружья, карабины, пистолеты, сабли, пики, палаши. Ну а за неимением потребного оружия – вилы, косы, топоры. Всё идёт в ход. *Diable!* Впрочем, с крестьянским инвентарём они даже на фуражиров не нападают. Захудалое ружьишко и пара заряженных пистолетов у этих господ завсегда припасены! Овчаров, ехавший чуть поодаль и слышавший разговор, призадумался.

«А ведь ежели оные партизаны атакуют нас и фортуна, паче чаяния, им улыбнётся, то мне, да и Пахому, несдобровать. Кто мы есть для них? Русские в стане неприятеля. Предатели то бишь. Вздёрнут на первой же осине, вот и вся недолга! И ничего ты им не докажешь! Господин кавалергардии полковник, поди, уж далече, да и вряд ли кому дал знать обо мне. Разве что...» Он вдруг подумал об императоре Александре и, как назойливую муху, прогнал дерзкую мысль. «Кто я таков, чтоб обо мне доложили государю, особенно в сей драматический час? Мда, положеньице... Любопытно, а куда ведёт эта заброшенная тропа?» – произвольно кинул он взгляд на поросшую чахлой травой, ответвляющуюся от большака и взбирающуюся на холмы тропу. Несмотря на лёгкие сумерки, она хорошо проглядывалась в зелени деревьев, тревожно перебиравших листьями на слабом ветру.

---

⁸ «Чёрт!» (фр.).

⁹ «Святой Боже!» (фр.).

Беспорядочная пальба с придорожных холмов прервала раздумья ротмистра. «А вот теперь держись! Капитан, чертяка, будто в воду глядел!» – пронеслось в мозгу Овчарова, и в мгновение ока он соскочил с лошади.

– Parbleu! Les Russes! Partisans!¹⁰ – во весь голос закричал капитан, осаживая и поднимая на дыбы свою лошадь. На шедших шагом драгун очертя голову, с гиканьем и свистом летели конники в далёкой от устава русской армии форме. Старый рубака не растерялся. Скомандовав драгунам спешиться и открыть огонь, первым же выстрелом он уложил вырвавшегося вперёд верхового, однако ударом палаша богатырской силы был разрублен почти надвое шедшим в основной волне всадником. Прикрываясь лошадьми, драгуны сделали по прицельному выстрелу. На пыльную, обожжённую солнцем землю упали шестеро, не считая корчившегося в конвульсиях силача, зарубившего драгунского капитана, но за ними скакали новые всадники. Вскочив на коней, сомкнутым строем драгуны пошли им навстречу. Лихо орудуя пиками, партизаны, большинство которых составляли казаки, опрокинули первую шеренгу французов, однако вторая, успев разрядить пистолеты, с великим ожесточением бросилась с палашами наголо вперёд. Узость дороги скрадывала численное превосходство партизан, коих насчитывалось не менее сотни. Под неистовым напором драгун они подались назад, но вскоре овладели положением и с отчаянными криками «ура!» ринулись в атаку, пытаясь прижать французов к холмам. Драгуны дрогнули. Нарушив строй, они сбились в кучу, продолжая наносить яростные разящие удары, но это была уже агония. Все полегли за считанные минуты.

Едва завязалась рукопашная, стрельба с холмов пошла кучнее и сосредоточилась на повозке. Шальная пуля угодила в бок денщику Кшиштофского, пробив его лёгкое навывлет. Юноша даже не успел вскрикнуть. Смерть наступила мгновенно.

– En arriere! Reculez!¹¹ Дьявол тебя дери! – яростно жестикулируя, кричал вознице вмиг оценивший обстановку Овчаров. До смерти напуганный кучер не стал спорить. Как ошалелый, ожесточённо работая хлыстом, он круто развернул повозку с чудом не выпавшим из неё Пахомом.

– Хенрик, держись моего левого плеча! – остановил Павел устремившегося было вслед за драгунами Кшиштофского и, оседлав коня, во весь опор поскакал назад, в сторону Смоленска.

Поколебавшись с секунду, поляк повиновался. Полверсты бешеным галопом – и вот она, та самая спасительная тропа. Погони не наблюдалось. Пустив взмыленных лошадей шагом, беглецы поднялись на гребень холма, где наткнулись на обширную поляну. Людям и лошадям был необходим отдых...

Нападавшие допустили досадный промах. Вместо того чтобы вести малоэффективную стрельбу с придорожных холмов, им следовало взять драгун в клещи, отрядив стрелков в хвост растянувшегося по дороге взвода. Тогда едва ли бы кто спасся. Фортуна и на этот раз благоволила Павлу. Скоротав остаток дня и полночи на горной лужайке, с первыми лучами солнца они спустились на окутанный туманом тракт. На месте, где несколько часов назад шла кровавая сеча, всё было убрано. Партизаны сволокли тела убитых в лес, где и захоронили. Кшиштофский заметно нервничал, но старался не подавать виду. Что говорить, а стычка с казаками произвела на него куда большее впечатление, нежели участие в «делах» в бытность его на кратковременной службе в Пятом польском корпусе князя Понятовского.

Тем временем туман рассеялся, поднявшееся солнце осветило дорогу. Холмы исчезли, выжженная равнина сменила их. Как и в Смоленске, смешавшийся с пылью неистребимый запах гари неотступно преследовал путников, вызывая резь в глазах и кашель в горле. Тучи ос, слепней и комаров кружились над повозкой; их мерному жужжанию вторили мириады отврати-

---

¹⁰ «Чёрт возьми! Русские! Партизаны!» (фр.).

¹¹ «Назад! Поворачивайте!» (фр.).

тельных, доведивших до иступления мух. Облепив густо покрытые конским навозом, застывшими лужами кровавого поноса и зеленоватыми кучками человеческих фекалий тракт, они роились над самой землёй, сгоняя друг друга с усеявших обочины трупов издохших лошадей и погибших от жары и жажды воинов. Слетевшиеся на падаль вороны алчно клевали разлагавшееся мясо, опуская головы в миазмы мертвечины и зарываясь в гниющую плоть по самые хвосты. Брошенные повозки и фуры затрудняли движение, приходилось часто останавливаться и вручную освобождать дорогу. Окружающая местность казалось вымершей, золотым ковром шумел неубранный хлеб, а одиночные дымы сгоревших деревень подчёркивали бескрайнюю пустоту обезлюдившего пейзажа. Двигаться стало безопасней, пространство всюду проглядывалось, но, помимо партизан, следовало опасаться сновавших вдоль тракта мародёров. В поисках пропитания и наживы эти люди были готовы на всё.

– Снимите свой великолепный мундир, пан Хенрик, а то, не ровён час, из-за ваших эполет угодим в какую-нибудь передрагу. Довольно нам давешнего приключения! – посоветовал не без ехидства Павел и, отхлебнув коньяку, добрым словом вспомнил виконта де Пюибюска, офицера, запасавшего в Смоленске провиант для Великой армии и снабдившего их хлебом и вином. Овса лошадям бережливый виконт, правда, не выделил, ну да уж ладно, о том позаботились люди Сокольницкого.

– Ты прав, пожалуй, – нехотя согласился Кшиштофский, стягивая с плеч синий офицерский мундир польского улана и скидывая с головы конфедератку¹². – Сейчас сподручнее быть в партикулярном платье. Для партизан мы русские, а касаясь подлых мародёров... – Бог даст, они нам не попадутся, твои мародёры, ну а ежели что, у нас есть чем угостить незваных гостей, – многозначительно кивая на повозку, где покоились под присмотром потерявшего сон Пахома заряженные фузеи, заметил Овчаров.

– Полагаешь, быть мародёром – привилегия французов? А промеж русских их разве нет?!

– Возможно, и есть, впрочем, как и среди всякой нации, – уклончиво отвечал Овчаров. Ему не хотелось касаться затронутой темы.

– А эти пожары! Ума не приложу, зачем французы жгут русские деревни? Ведь это их завоёванная территория, по крайней мере до заключения мира!

– Это не французы, – усмехнулся Павел. – Жгут русские, чтоб лишь пепел достался неприятелю.

– В Литве, однако ж, всё было по-иному, цивилизованно. Везде порядок, не то что здесь! Прямо-таки варварство какое-то необузданное! – предпочтя пропустить мимо ушей последнюю сентенцию начавшего кипятиться Овчарова, искренне негодовал пан Хенрик.

– Ну, ты, брат, и хватил, право! Литва есть Речь Посполитая, обзови её хоть Литвой, хоть Виленской губернией Российской империи – всё едино. Русь-матушку там у нас мало любят, скорее ненавидят. Я не про жидов¹³, я про шляхту говорю, что греха таить, сам ведь знаешь. «Сам ведь такой», – хотел произнести Павел, но поправился.

– В час же сей, – вновь вернулся он к своей мысли, – мы на Смоленщине, в коренной, изначальной России. Тут тебе и православие истое, и вера в царя и Отечество всенародная. Вот и палят люди имущества свои, овины да амбары, чтобы ворогу не досталось, а засим трава

---

¹² Фуражка с четырёхугольным верхом.

¹³ Еврейское население края симпатизировало новому Отечеству и русскому царю (по первому разделу Речи Посполитой в 1772 году эти земли отошли к России), в отличие от притеснявших их литовцев и поляков. Старшинам кагалов Россия представлялась наименьшим злом. Политика Наполеона у лидеров виленских еврейских общин вызывала сильное недоверие, несмотря на военные успехи Бонапарта. Духовный лидер хасидов Шнеур Залман яро ненавидел его и призывал единоверцев к лояльности России. Благодаря многочисленным еврейским кагалам и их расторопным лазутчикам в лице корчмарей, факторов, торговцев и лавочников русское командование знало о передвижениях Великой армии как до, так и после переправы через Неман, а русская армия не терпела нужды во время своего отступления из края. В тоже время, польстившись барышом, евреи исправно снабжали Смоленск провиантом после его занятия Наполеоном.

не расти – будь что будет. Кто в лесу схоронится, а кто и в партизаны поддастся, – обуянный патриотическим задором, заговорил он выпренным слогом.

Нежелательных встреч более не случилось, и к исходу дня двадцатого августа они добрались до окраин охваченного огнём Гжатска, занятого французским авангардом. История повторилась. Не успела русская армия выйти из города, как жители подожгли его. Солдаты Наполеона с превеликим трудом справлялись с огнём, однако зарево пожаров бушевало по всему околотку: горели деревни, помещицьи усадьбы, провиантские склады и магазины; пронзительно выли собаки, надрывно стонал брошенный в спешке массового исхода не доенный и не кормленный скот. Устроившись на ночлег в повозке, не распрягая и не рассёдывая коней, они заснули как убитые.

Утром их разбудил грохот барабанов. В город вступали полки Великой армии, пространство вокруг повозки запрудили войска, и им ничего не оставалось, как наблюдать за разворачивающимся действием. А оно впечатляло огромностью людских и конских масс, сосредоточенных на сравнительно небольшом участке земли. Здесь, в Гжатске, Павел впервые осознал, увидел воочию, какая страшная сила навалилась на Русь. По мере прохождения войск чувства его, поначалу смятённые, понемногу улеглись, а зоркий глаз бывшего кавалериста начал подмечать детали и нюансы происходящего.

«А конница-то у Бонапартия хромает!» – с тайным удовлетворением ухмыльнулся собственному каламбуру Овчаров. Высунувшись из повозки чуть ли не по пояс, он пожирал глазами проходившие эскадроны кавалерии и колонны пехоты. Если лошади гвардии были в относительном порядке, то у армейских лошадей выпирали бока, из-под кожи проглядывали рёбра, от обезвоживания или недостаточного ухода шерсть стояла дыбом, брюхи животных вспучились и они беспрестанно поносили. Привыкшие к сену и овсу нежные желудки с трудом переваривали грубую солому, снятую с крыш уцелевших изб, и пожухлую на испепеляющей жаре жёсткую сухую траву русских полей.

– Как ни крути, животины деликатные, это тебе не верблюды! – вырвалось у Овчарова, и он оглянулся на спутников.

Поглощённые созерцанием разыгрывавшегося спектакля, они не слышали его реплики. Артиллерийские лошади французов пребывали не в лучших кондициях и местами походили на ведомых на забой, еле передвигавших ноги кляч. Животные из последних сил тянули тяжёлые лафеты орудий с наполненными зарядными ящиками на передках, и кое-где их заменяли волю. Пехота шла бодро, но и здесь Овчаров обнаружил следы очевидного упадка. Обувь нижних чинов от бесконечных маршей пришла в негодность, подошвы башмаков на сбитых, заструпелых ногах удерживались подвязками, бечёвками или просто скрученными кусками разной материи, лица солдат ничего не выражали, кроме равнодушия и усталости.

«Да... С таким воинством далеко не прошагаешь, не мешало б и остановиться!» – сим оптимистичным для русских перспектив заключением подвёл он итог своей инспекции.

В три часа пополудни Наполеон произвёл смотр наличествующих в Гжатске частей, после чего Овчаров, Кшиштофский и успевший повидать их Сокольницкий были приняты императором.

– Я вами доволен, господа. Генерал Сокольницкий доложил о ваших приключениях, – довольно милостиво встретил их Бонапарт, отрываясь от расстеленной на просторном круглом столе карты, густо пестревшей французскими названиями русских населённых пунктов и природных местностей.

Пространство небольшой комнаты вынуждало находиться вблизи от стола, и от Овчарова не укрылось, что лежавшая перед Наполеоном карта представляла собой не что иное, как выбранные листы подробнейшей столитовой карты Российской империи. Эта состоявшая из 114 листов карта включала в себя западные губернии империи и простиралась на восток аж до Сибири и на юг до Хивы, а сам её предмет составлял государственную тайну.

«Ага! – подумал Павел. – Стало быть, им удалось достать нашу карту. Не иначе кто-то из штабных продался супостату».

– Да-да, это та самая ваша знаменитая карта. Так что не трудитесь вытягивать шею, господин Офшарофф, – коверкая фамилию Павла на французский манер, самодовольно рассмеялся Наполеон, заметив нескрываемый интерес к ней гостя. – Мои люди купили её вместе с гравировальными досками у одного вашего чиновника, – не стал скрывать император француз, как человек, уверенный в конечном успехе своего предприятия. – Ну а вы, лейтенант, что скажете о службе у генерала Сокольникового? Кстати, мне донесли, нападение партизан под Смоленском оказалось для вас полной неожиданностью, – соизволил обратиться к Кшиштофскому Бонапарт.

– Истинно так, ваше величество, мы его не ждали, хотя наш славный капитан, упокой Господь его душу, что-то предчувствовал. Если бы не его распорядительность, мы едва ли имели бы счастье лицезреть ваше величество!

– Гибель капитана Роже – большая потеря для нас. Но как случилось, что какие-то дремучие партизаны, необученные крестьяне сумели уничтожить взвод моих храбрых драгун?! – грозно свёл брови Бонапарт, в раздражении комкая в кулаке угол свисавшей и не поместившейся на столе широко расстеленной карты.

– Мы попали в хорошо продуманную и организованную засаду, настоящую западню, ваше величество, – включился в разговор Овчаров и подробнейшим образом обрисовал, как было дело.

Наполеону понравился рассказ Павла. Отойдя к окну, он с интересом слушал отставного ротмистра. И на то имелись веские причины. Один раненный в той достопамятной стычке драгун всё же уцелел, партизаны сочли его мёртвым, и, выбравшись из-под кучи веток, под которыми покоились его менее удачливые товарищи, он добрался до Главной квартиры. Его подобрала одна из провиантских фур виконта де Пюибюска. Так что Наполеон был осведомлён о происшедшем и теперь желал получить свидетельства от других участников событий, а заодно убедиться в их правдивости. Высочайшую проверку Кшиштофский с Павлом выдержали и теперь ожидали новых распоряжений императора.

– А сейчас о главном. – Наполеон вернулся к столу и, заложив руки за спину, обратил взор на карту. – У русских сменился главнокомандующий. Император Александр поменял неспособного Барклая на старого и такого же неспособного Кутузова. Хотя я не завидую Александру. У него нет выбора. Ни Беннигсен, упорный, но предсказуемый и не раз битый мною, ни Багратион, самый способный из всех русских генералов, но в отличие от смещённого Барклая, напрочь лишённый глубокого понимания стратегии, решительно не годятся. Об остальных и говорить нечего. В лучшем случае некоторые из них удачливые тактики или сносные исполнители, как Тормасов, Дохтуров или Коновницын. Так что, принимая в расчёт нелюбовь Александра к Кутузову со времён Аустерлица, – Бонапарт злорадно хмыкнул, – вынужденный назначить его главнокомандующим, он, подстрекаемый недалёковидным двором и кое-кем из своих немецких родственников, наверняка потребовал от старика немедля прекратить отступление и дать наконец мне генеральное сражение. Лишь при этом условии он доверил армию Кутузову. Впрочем, Александру это вряд ли поможет. Провидение и сама судьба русского императора ведут его к позорному разгрому и не менее тяжкому миру. *Mon Dieu!* – театрально всплеснув руками, возвёл глаза к потолку Наполеон, после чего пристально посмотрел на Овчарова. – Мир этот, мой мир, – он сделал ударение на слове «мой», – унизит русского государя в глазах его верноподданных и всей Европы. Не знаю, зачем это нужно Александру? Впрочем, довольно об этом, – с деланой досадой махнул рукой Бонапарт. – Сражение произойдёт в ближайшие дни, не думаю, что Кутузов будет тянуть с ним до самой Москвы, хотя и здесь я не вижу препятствий. Я вступлю в древнюю русскую столицу и там закончу кампанию. Перед вами, господа, открываются блестящие перспективы. Полякам – сражаться и покрыть себя сла-

вой на поле брани, – кивнул в сторону Сокольницкого и Кшиштофского Бонапарт, начинавший потихоньку разочаровываться в деятельности подведомственного пану генералу разведывательному бюро, – ну а вам, господин Овчаров, – продолжать свои опыты, весьма удачные и многообещающие. Я видел ваши последние изделия, они безупречны. Хотя всё может закончиться весьма скоро, но, я уверен, мы найдём применение вашим талантам. А сейчас время обедать, господа. Констан проводит вас, – бросил он камердинеру.

Наполеон решил продолжить разговор за столом, чем доставил неслыханную радость Кшиштофскому. Впрочем, пан Михал, которому доводилось не раз удостаиваться подобной чести, был не менее польщён, хотя и скрывал свои чувства. Что до Овчарова, то он проголодался и в приятном предвкушении проследовал в столовую.

Дом купца Церевитинова, один из лучших в Гжатске, был отведён под штаб и личные покои Наполеона, занимавшие весь второй этаж. Именно в этом доме каких-нибудь пару дней назад находилась ставка Кутузова, здесь его принимали с хлебом-солью, и отсюда он выехал ранним утром двадцатого августа в поисках позиции для генерального сражения.

Гжатск был оставлен, поскольку ни уже выбранное Барклаем Царёво-Займище, куда Кутузов приехал к армии, ни позиция при Ивашкине не были признаны им удобными, и по его приказу войска отошли к Колоцкому монастырю.

Помимо вышеозначенных лиц, на обеде присутствовали адъютант императора генерал Рапп и свободные от неотложных дел войны маршалы. Наполеон находился в превосходном расположении духа, затруднённое мочеиспускание уже несколько дней как не донимало его; он игриво шутил, язвил над маршалами и задавал неудобные вопросы своим иностранным гостям. Неотвратимая близость решающего сражения будоражила его ум и прибавляла силы. Маршалы, за исключением Мюрата и командующего молодой гвардией Мортье, напротив, были сумрачны, на их лицах читались тревога и озабоченность. Даже люто ненавидевший Россию Сокольницкий был на этот раз необычайно сдержан.

Быстро утолив первый голод, Овчаров ощутил себя не в своей тарелке. Предстоящее сражение не меньше Наполеона волновало его, как и отсутствие связи с Чернышёвым. Ему было что сказать полковнику, но как, как известить его? Во время их тайной встречи в подземном каземате Смоленского кремля тот пообещал, что сам разыщет его. Оставалось ждать и надеяться, надеяться и ждать.

«А ежели бравого кавалергарда убили, упаси Бог, и он не успел сообщить обо мне?» Мрачные мысли овладевали Павлом и портили аппетит. Зато Кшиштофский не сводил восторженных глаз с Наполеона, его исполненное счастливым упоением сердце учащённо билось, он пропускал перемены блюд, готовый броситься в огонь и воду по одному знаку своего кумира.

– Итак, господа, завтра я даю армии день отдыха, а в ночь на двадцать третье мы выступаем. Генерал Сокольницкий, где, по-вашему, нас ждёт Кутузов?

– Если не у Колоцкого аббатства, откуда старая лисица в любой момент может сбежать, то, очевидно, где-то близ Можайска, ваше величество.

– «Где-то близ» – это не ответ, генерал! Мне нужны точные сведения, – недовольно одёрнул его Бонапарт, решив, что в бою от поляка будет больше толку, нежели в разведывательном бюро.

В эту минуту под окнами столовой случилась суতোлка, и после громких пререканий с адъютантами, в сопровождении двух свирепого вида молодцов в тюрбанах (охрану Наполеона составляли мамелюки под началом этнического армянина Рустама Разы) на пороге комнаты возник человек с мертвенно-бледным лицом в форме полковника Великого герцогства Варшавского.

– Полковник Тышкевич, вероятно, привёз нам важные известия, сир, – глядя в упор на Тышкевича и пытаясь угадать по выражению его лица, с чем тот пожаловал, обратился к Наполеону Сокольницкий.

– Говорите, полковник, с чем пришли! – бросил в нетерпении Бонапарт, накручивая на палец белоснежную, вышитую императорским вензелем в виде буквы N салфетку.

– Русские окопались на высотах Колоцкого аббатства, но сейчас их колонны выдвигаются на восток и идут в сторону Можайска и реки Москвы по Старой Смоленской дороге, ваше императорское величество, – прерывистым голосом вымолвил запыхавшийся Тышкевич. По его лицу градом катил пот, и было видно, что он проскакал по удушающей жаре не одну версту.

– Пускай будет река Москва, господа. Не всё ли равно, где бить русских! Тем не менее надлежит проследить за манёврами Кутузова. Наша операционная линия и без того непомерно растянута, Кутузов же находится вблизи своих баз, к тому же он ожидает прибытия резервов из глубинных провинций империи. Нельзя позволить ему улизнуть, будь то лабе де Колёц¹⁴ или ля Москва¹⁵. Мне по горло надоело бегать за русскими, пора кончать с ними! – закончил Наполеон красноречивым и весьма характерным жестом. Едва он умолк, генерал Сокольникович, полковник Тышкевич и все маршалы, кроме Бертье, расценившие его жест как указание к действию, поднялись из-за стола и, поклонившись императору, вышли из столовой. Кшиштофский чуть замешкался, неловко запутавшись длинными ногами в стульях, и, весь краснея, поспешил вслед за стремительно удалявшейся спиной пана Михала. Весть о возможном отходе Кутузова от Колоцкого монастыря неприятно поразила Наполеона. «Проклятье! Похоже, чёртов старик намерен отступать и дальше!» Подобный поворот событий не укладывался в его голове. Он заметно помрачнел, лицо пожелтело от разлившейся желчи, губы нервно подёргивались.

– Мой император желает остаться один? – осмелился нарушить повисшую тишину генерал Рапп.

– Отнюдь, генерал! – стряхивая оцепенение, живо откликнулся Наполеон. – Нас ожидает десерт. А вот вы, русские, как думаете, что должен предпринять Кутузов? – перевёл он взгляд на Овчарова.

– Чтобы не навлечь гнева государя своего, ему следует разбить вас, ваше величество. Однако ж, как человек военный, я задаюсь вопросом: какими средствами можно достичь желаемого?

– Вы это всерьёз? – Брови Наполеона в неподдельном удивлении поползли вверх и изогнулись.

– Одними военными средствами достичь победы затруднительно, имея перед собою противника, коим изволит быть ваше величество, – как ни в чём не бывало продолжал Овчаров. – Посему, полагаю, Кутузов будет всячески затягивать кампанию.

– Как бы он её ни затягивал, я войду в Москву и там подпишу мир.

– Осмелюсь возразить, ваше величество! Даже в случае поражения русской армии на поле брани и занятия вами Москвы сопротивление продолжится. Продиктовать мир нашему императору, да простит меня за дерзость ваше величество, вам не удастся.

– Партизанская война?

– Она и так уже идёт, сир, но и наша русская погода будет не на вашей стороне.

Наполеон грузно поднялся из-за стола, с грохотом опрокинул стул и подойдя к Павлу, потрепал его за ухо.

– Я закончу кампанию в Москве, мессье Офшарофф! – сверкнув глазами и обнажая ряд великолепных белых зубов, полушёпотом прошипел он. – Поверьте, у меня есть чем принудить императора Александра к миру, – намекнул на возможную отмену крепостного права Бонапарт и, неожиданно легко повернувшись на каблуках, вышел из столовой.

---

¹⁴ Колоцкий монастырь.

¹⁵ Река Москва.

Дискуссия с Овчаровым ему стала досаждать. Генерал Рапп и маршал Бертье последовали за императором. Оставшись в одиночестве и отдав должное десерту – засахаренным фруктам и мороженому, Павел покинул гостеприимный дом купца Церевитинова, не забыв опустить в карман немного яств для Пахома. На свежем воздухе беспокойство вновь овладело им. «Ежели с полковником Чернышёвым, не приведи Господь, что-нибудь случилось, я погиб, мне никто не поверит. Способник неприятеля, денежный вор, взявшийся вновь за старое! Моё спасение в нём одном», – сбивчиво размышлял Овчаров, пока ноги его не привели к подводе, охраняемой двумя польскими уланами, откомандированными Сокольниковым.

Растолкав спящего гравёра, Павел отдал ему принесённые припасы.

– Ты уж не взыщи, лакеи так скоро делали перемены, что я не смог ухватить для тебя что-нибудь существеннее, кроме десерта и вот этого задохлика цыплёнка! – оправдывался он.

Впрочем, Пахом и не помышлял обижаться, уписывая за обе щёки императорское лакомство. Приставленные к ним поляки, учуяв еду, громко переругивались, кляня припоздавшую смену. Их желудки отчаянно урчали, требуя провианта, а тела ломило от жары и усталости. Лёгкий ветерок, лениво теребивший флюгера на их пиках, не приносил облегчения. Сегодняшний смотр, а до него нескончаемые марши и переходы основательно утомили их.

Пока Павла снедали сомнения, Александр Иванович Чернышёв благополучно добрался до Петербурга и был ласково встречен императором Александром в Летнем дворце на Каменном острове. Издали дворец походил на обычную петербургскую дачу. Вытащенные из оранжерей кадки с цветами и растениями заполнили узкую лестницу, связывавшую балкон с парадным крыльцом; обширный сад спускался к воде и не имел изгороди, лишь полосатая будка с караульным указывала, что здесь проживает некое официальное лицо. Впрочем, катавшаяся на лодках праздная публика могла беспрепятственно наблюдать гулявшего по саду государя, поэтому кто в действительности обитает на охраняемой «даче», не составляло тайны. Александр знал об оставлении Смоленска из доставленного курьером послания Барклая и теперь желал слышать подробности.

– В каком положении ты нашёл город? – первым делом поинтересовался царь.

– В преддверии больших и, увы, скорбных перемен, ваше величество. Эвакуация Смоленска шла полным ходом, когда я его оставлял. Правда, после соединения армий Барклая и Багратиона забрезжил луч надежды, и вывоз государственных архивов, кажется, на время остановили, но со всей определённостью не могу судить об том, как и о ходе самой обороны, поелику не являлся свидетелем происшедшего. Я выбрался из Смоленска в ночь на четвёртое, за считанные часы до штурма. Полагаю, взятых мер к обороне города оказалось недовольно, чтоб...

– Идя навстречу чаяниям дворянства, особенно московского, я заменил Барклая¹⁶ и назначил главнокомандующим всеми армиями Кутузова, – мягко прервал его Александр, показывая тем самым, что иные заботы ныне овладевают им. – Провожаемый толпою зевак, запрудивших Гагаринскую набережную перед самым его домом, на третий день, то было вос-

---

¹⁶ Александр высоко ценил и неизменно уважал Михаила Богдановича и не брал в расчёт возводимую на него придворными и генералитетом клевету. Его заслуги в реформировании армии накануне войны и организации военной разведки трудно переоценить. Назначение «харизматичного» Кутузова было компромиссом, на который в роковую минуту был вынужден пойти царь. Барклай де Толли был скромным остзейским дворянином с шотландскими корнями, иностранцем без связей и родства, выскочкой в глазах русского общества. В отличие от Кутузова, он не был ни плетушим интриги царедворцем, ни искушённым дипломатом, ни светским человеком. Его холодная педантичность, ревностное усердие в службе и исключительное чувство долга раздражали высшую аристократию и дворянство, тогда как натура Кутузова, природного русского барина, сибаритствующего эстета и бонвивана, прихотливого чревоугодника и сластолюбца – словом, человека с родными и милыми русскому сердцу чертами, – воспринималась куда благосклонней. Барклай был где-то схож с Аракчеевым, дельным, неутомимым администратором и создателем новой русской артиллерии. Кстати, дефиниция «временщик», допущенная далее автором по отношению к Аракчееву, не несёт отрицательного смысла, а лишь указывает на преходящность власти.

кресенье, он изволил отбыть к армии, – саркастически хмыкнул, сощуриив близорукие глаза, царь. – Уповаю на провидение, что оно остановит нашествие.

– Осмелюсь заметить вашему величеству: отступление, предпринятое военным министром, явилось единственно правильным и возможным решением, исходя из соотношения сил. Приграничное генеральное сражение привело бы к чудовищной катастрофе, как и ожидание неприятеля в Дрисском лагере, – намекая на идеи прусского генерала русской службы Фуля, которого непонятно за какие заслуги незадолго до войны приблизил к себе Александр, встал на защиту Барклая Чернышёв.

– Всё это так, мой друг, всё это так, однако ж от меня требуют решительных действий. А что побудило тебя направиться в Смоленск? – неожиданно сменил не слишком приятную для себя тему царь. – По завершении нашего пребывания в Москве тебе было должно следовать за своим государем в Петербург, – с лукавой улыбкой хмурил брови Александр, теребя пуговицу тёмно-зелёного мундира, того самого, кавалергардского, который предпочитал носить с начала военных действий и Чернышёв, невзначай забывая о своём придворном чине флигель-адъютанта, которому полагался мундир белого сукна.

– Когда ваше величество изволили оставлять Москву, я получил известие, что в тюрьме Смоленского кремля содержится некий ротмистр, за коим я безуспешно охотился целый год.

– Кто сей?

– Отставной ротмистр Овчаров, георгиевский кавалер и герой Аустерлица.

– И этакой удалец в тюрьме?!

– Пребывал там до сей поры, ваше величество!

По желанию царя Чернышёв поведал историю Овчарова, опуская лишние, мало занимательные детали и напирая на ту пользу, кою может принести бывший арестант.

– Стало быть, ассигнации его безупречны? – с неподдельным интересом выслушав рассказ Чернышёва, любопытствовал Александр.

– Не отличишь от оригинала, ваше величество! Французские произведения банкира Френкеля, коими наводнены наши западные губернии, порядочно им проигрывают. Я условился с ним, что, ежели ему удастся завоевать доверие неприятелей и те обяжут его помочь им в изготовлении фальшивок, он будет ставить на каждую ассигнацию что-то типа особого знака, незаметного для стороннего взгляда, по которому мы могли бы узнавать фальшивку.

– Как разумеешь, где сейчас наш умелец?

– Ежели всё прошло гладко и мой план удался, то, полагаю, в обозе французской армии или в расположении Главной квартиры. По моим сведениям, передвижные типографии находятся в ведении маршала Бертье, а посему он может находиться при штабе.

– Ежели всё обстоит как ты доносишь, я прощаю твоё своевольство и пребывание в Смоленске, весьма рискованное а propos¹⁷. Постарайся узнать, mon cher¹⁸, о судьбе того ротмистра и по возможности разыщи его. Да, и покажи мне изделия славного искусника, – с мягким дружелюбием бросил царь, напутствуя своего любимца. Через некоторое время Александр вновь позвал Чернышёва. На этот раз аудиенция состоялась в Зимнем дворце, в кабинете императора на втором этаже северо-западного ризалита. Зимний заметно опустел, исчезли многие знакомые лица, а те, что встречались, были суетливы и испуганны.

– Старик, слава Богу, добрался до армии и принял командование, – с гримасой неудовольствия начал царь. – При этом по дороге он встретил разругавшегося с Барклаем и возвращавшегося в Петербург Беннигсена и поворотил барона назад к армии, взяв к себе в карету, которую я пожаловал ему вкуче с коляской. Ноне Беннигсен назначен начальником штаба, хотя по заслугам своим мог рассчитывать и на большее, – с многозначительным подтекстом

¹⁷ «Кстати» (фр.).

¹⁸ «Дорогой» (фр.). Здесь в значении «братец, дружище».

заметил Александр. – Так вот. Допрежь как Кутузову довелось встретиться с Беннигсеном – я тебе не говорил об том, – в Ижоре, на первой станции¹⁹ от столицы, ему попался курьер с посланием из армии. То было письмо Барклая, извещавшего меня об оставлении Смоленска. Властью главнокомандующего Кутузов потребовал вскрыть пакет и, убедившись в его содержании, воскликнул: «Ключ от Москвы взят!» Причём произнёс сие весьма патетически, дабы быть услышанным означенным курьером, который и поведал мне обо всём. Как полагаешь, что подобное означает?

– Затрудняюсь сказать, ваше величество, однако ж предположу, что он предрёк... Нет, не смею даже произнести, – стыдливо потупил глаза Чернышёв.

– Оставь сей вздор, я позволяю тебе промолчать. Он предрёк участь Смоленска моей Москве, – в великом волнении промолвил Александр.

– Но как?! Отчего ж?! Отдать неприятелю вашу священную столицу?! – в нахлынувшем возбуждении невольно вскричал Чернышёв, забыв, что совершать подобное в присутствии высочайшей особы государя непозволительная дерзость. – Прошу нижайшего прощения у вашего величества! – в подобострастном поклоне склонился он, в одночасье осознав допущенную промашку.

– С лёгким сердцем прощаю тебя, ибо мною овладевают схожие чувства. Не успев вступить в командование, старик решил обезопасить себя на предмет возможной сдачи Москвы и переложил ответственность на плечи несчастного Барклая. Согласись, обтяпано весьма ловко! Притом руками, вернее устами, не отвечающего за подобные материи курьера!

– Не нахожусь с ответом, государь!

– Отвечать и не надобно. Михайло Ларионович – умнейший вельможа двух истёкших царствований, выдвинувшийся при покойной бабке нашей и весьма ей приглянувшийся. Он последним разговаривал с нею, перед тем как императрицу хватил удар, а после оказал неоценимые услуги покойному родителю нашему... – неожиданно замолк Александр, и глубокая вертикальная складка пересекла его лоб.

В чувственном запале он едва не обмолвился о сокровенной и запретной тайне, о которой с содроганием, стыдом и болью думал лишь украдкой и наедине. Когда царственная бабка хрипела на полу в предсмертной агонии, положенная на матрас растерявшимися слугами, его отцу, наследнику престола великому князю Павлу Петровичу, будущий канцлер Безбородко вручил изъятый из кабинета государыни запечатанный конверт с завещанием Екатерины, оставлявшей трон в обход него, Павла, ему, любимому внуку Александру. Кутузов не мог не знать о содержимом пакета, поскольку в последние годы жизни государыни входил в её ближний круг и почти ежедневно беседовал с императрицей.

С воцарением Павла он остался на плаву, был осыпан новыми милостями и не разделил судьбы попавших в опалу фаворитов и приближённых Екатерины. Даже неизменно преданные его отцу Аракчеев и Ростопчин не избежали злой участи и были отставлены от службы, тогда как мудрый Кутузов присутствовал на том позднем ужине одиннадцатого марта в Михайловском замке, когда полтора часа спустя был зверски убит император. Александр подозревал, что он знал о затеваемом царевубийстве и о косвенной вовлечённости в него его самого²⁰. Столь умный и наблюдательный человек, друживший с главными вождями заговора, не мог не видеть, что должно вот-вот произойти. Но ежели он знал обо всём и не предупредил отца лишь оттого, что полагал, и полагал наверняка, что легко поладит и с сыном, – это предположение изводило и мучило Александра. Он не любил фельдмаршала по причине именно этого, подозреваемого им «знания», а не, как принято считать, из-за Аустерлица. Аустерлиц лишь добавил толику

---

¹⁹ Речь идёт о ближайшей к Петербургу почтовой станции.

²⁰ Александр знал о заговоре, но молчал, удовлетворившись заверениями Палена, что отцу будет сохранена жизнь. Очевидно, само присутствие возле себя куда более осведомлённого на сей счёт Кутузова было крайне неприятно ему. Лишь смертельная болезнь фельдмаршала в марте 1813-го примирила их.

дѣгтя в уже наполненную им чашу. Всё время раздумий государя Чернышёв недвижимо стоял, силясь угадать, что за мысли и переживания одолевают царя. Наконец Александр опомнился и глухо спросил:

– Так об чём мы беседовали с тобой, Чернышёв?

– О... возможном уступлении Москвы, ваше величество, – с почтительной осторожностью напомнил флигель-адъютант.

– Ах да. Обещанного Кутузовым сражения так и нет. Ненавистная и позорящая меня ретирада продолжается. Неприятель вступил в самые недра империи... – Александр вновь задумался.

– Осмелюсь узнать у вашего величества, когда его светлость прибыл к армии? – решил избавить себя от щекотливого обсуждения личности главнокомандующего Александр Иванович.

– Как явствует из его письма, помеченного августом девятнадцатого дня, он явился в Царёво-Займище на восемнадцатый день, однако ж по сведениям, полученным мною от других лиц, приезд его случился днём ранее. Ну да Бог с ним, он уже не раз давал мне повод усомниться на предмет истинности датирования своих посланий. Дабы оправдать собственную нерасторопность или преследуя какие иные цели, он предпочтёт слукавить и проставить более позднюю или иную выгодную для себя дату. Однако ж негоже нам отвлекаться на старческие изобретательства. Пришед в Царёво-Займище, Кутузов объявил выбранную Барклаем позицию неудобной и в поисках лучшей отвёл армию к Колоцкому монастырю, отдав Гжатск в руки неприятеля, а также удалил Платова, поставив взамен него Коновницына командующим арьергардом. Таковы последние верные сведения, коими я располагаю, любезный Чернышёв.

– Опрichь выбора позиции, вопрос соотношения сил волнует главнокомандующего. Ежели они уравнились благодаря подошедшим резервам, сражения следует ждать весьма скоро. Быть может, в ближайшие дни, государь.

– Резервы Милорадовича и московское ополчение, собранное Ростопчиным, должны нарушить соотношение сил, о котором ты так печёшься, – тут царь впервые улыбнулся, – в нашу пользу. Фёдор Василич писал мне о восьмидесяти тысячах ратников!

– Однако ж ратников должно обучить и вооружить. Позволю усомниться, что все восемьдесят тысяч окажутся пригодны к означенному дню. Лучше полагаться на их небольшую толику, сиречь четверть, да и на резервы Михайло Андреевича Милорадовича, разумеется. В нём я решительно уверен, государь, – прямо отвечал Чернышёв, не желая в грозный для Отечества час вводить сюзерена в заблуждение.

– Благодарю за честность и дельность твою, Чернышёв. Впрочем, в том я уж много раз убеждался. Признаюсь, ложь, страх и непонимание, царящие вокруг, утомляют и пугают меня.

– Вскорости многое прояснится, ваше величество. Смею напомнить: ваше величество пожелали видеть произведения того ротмистра, о котором я докладывал.

– Да-да, помню, – оживился Александр.

– Вот, извольте взглянуть на сии «овчаровки». – С самодовольной улыбкой Чернышёв извлёк из портфеля ассигнации, «исправленные» Павлом, и разложил их на ломберном столе перед государем.

– Хм, действительно, не отличишь от настоящих, – с удивлением вертел ассигнацию пальцами император. Близоруко щурясь, он подносил её к свету и, положив обратно на стол, аккуратно разглаживал.

– Ежели угодно, вот подлинная ассигнация, ваше величество, – услужливо протянул банкноту Чернышёв.

– Вот уж не ожидал, что у меня есть подобные кудесники! – не переставал дивиться царь, внимательно сличая купюры.

– Причём оные деньги господин Овчаров делал, обходясь подручными средствами. Представляете, государь, на что он будет способен, ежели начнёт использовать предназначенные для подобных надобностей машины. Правда, банкнот, изготовленных им машинным способом, я покамест не имею.

– Ты хочешь сказать, что эти «овчаровки», как ты их изволил окрестить, твой ротмистр нарисовал ещё до ареста?

– Совершенно верно, ваше величество!

«Одного не возьму в толк. Как тот смоленский исправник умудрился заметить подделку? При случае следует его допросить», – подумал Чернышёв, разглядывая, с каким интересом изучает царь фальшивую купюру, и добавил вслух:

– А ежели наш ротмистр изготовит требуемые для печатания ассигнаций клише, точнее, начертает на них долженствующий текст и рисунок...

– *Le resultat dépassera les attentes!*²¹ – закончил за Чернышёва улыбающийся Александр. – Мой друг, всё это прелюбопытно, но более неотложные дела занимают меня. Когда придут известия из армии, я непременно позову тебя. Фельдъегерь с победной реляцией от Кутузова прибыл в Петербург вечером двадцать девятого августа, накануне государевых именин, и на следующий день о благополучном исходе дела при Бородине шумел весь город. Деша поспела как нельзя вовремя. Дворец радостно гудел, на лицах придворных и высших сановников сияли торжествующие улыбки, имя Кутузова не сходило с уст, все предрекали скорую гибель Бонапарта. В счастливой ажитации Александр пожаловал светлейшему чин фельд-маршала, сто тысяч рублей серебром и возвёл супругу главнокомандующего в статс-дамы императорского двора. Когда первая радость улеглась, вдохновлённый успехом русского оружия, государь подписал составленный ранее перспективный план по истреблению французских войск на Березине, после чего вызвал к себе Чернышёва.

– С сим пакетом поедешь к Михайле Ларионовичу, – кивнул Александр на лежавший на столе запечатанный сургучом серый плотный конверт. – В нём высочайший рескрипт о новых военных предположениях, кой должен быть доведён светлейшим до всех командующих армиями. Бонапартия следует изловить и пленить, а войско его уничтожить. Я этого желаю, и желаю страстно. Он мой личный враг. Или я, или он – вместе нам не царствовать!

Негодование захватило Александра, и он подозрительно посмотрел на Чернышёва. Прекрасные голубые глаза государя подёрнулись пеленой и на миг будто заledenели (в ту минуту он вспомнил, как Наполеон смертельно оскорбил его, попрекнув в одном из писем отцеубийством), но лишь только на миг. Через секунду они вновь излучали ласковый, нежный свет и были полны доброжелательства.

– Отбываю немедля, ваше величество. Последуют ли ещё какие указания?

– Рассудишь сообразно обстоятельствам. Тебе я доверяю куда более, нежели обыкновенному флигель-адъютанту, – вымолвил Александр и вновь остановил пристальный взгляд на Чернышёве.

На этот раз, зная болезненную придирчивость царя к мундирным несообразностям, перенятую от покойного батюшки, он не стал дразнить гусей и предстал перед ним, как и полагалось в подобном случае, в форменном флигель-адъютантском мундире белого сукна с аксельбантом.

– Всё в точности исполню, ваше величество! – забирая пакет, в верноподданническом поклоне отрапортовал Чернышёв и вышел в приёмную.

На выходе из государева кабинета он столкнулся с высокой, сутуловатой и длинношеей фигурой Аракчеева, который подозрительно уставился на него своими малоподвижными стеклянными глазами. Всё время аудиенции Чернышёва Алексей Андреевич проторчал в приём-

²¹ «Результат превзойдёт ожидания» (фр.).

ной, силясь понять по доносившимся обрывкам фраз суть происходившего разговора. Полковник не стал разочаровывать преданного слугу²² и, потрясая пакетом перед его широким, угловатым, в красно-синих прожилках носом, с непринуждённой улыбкой объяснил, куда и зачем направляется. – Храни тебя Бог! – расщедрился на крестное знамение враз подобревший Аракчеев.

С первыми проблесками зари тридцать первого августа с пакетом²³ государя Чернышёв выехал из Петербурга...

Согласно приказу Бонапарта Великая армия выступила из Гжатска в ночь на двадцать третье августа, и её авангард, разделившись на три густые колонны, всё настойчивей и чаще атаковал отступавший аррьергард русской армии генерал-лейтенанта Коновницына. Мюрат, Богарне и Понятовский столь плотно наседали и теснили его, что, несмотря на героическое сдерживание их превосходящих сил возле Колоцкого монастыря и далее по Московской дороге, Коновницын неумолимо сближался с главной армией Кутузова, время от времени наваливаясь на неё. Светлейшему уже не приходилось выбирать позицию, когда на его плечах висела вся французская армия, и волею судьбы разрезанная рекой Колочей равнина вокруг деревеньки Бородино стала полем генерального сражения.

Овчарову было предписано следовать в обозе армии, где он и провёл в обществе Пахома великий день грандиозной баталии. Самого сражения, происшедшего двадцать шестого августа, он не видел, если не считать маленького переполоха, который наделал среди бела дня неожиданный рейд кавалерии Уварова и казаков Платова по левому флангу расположения французов.

Шатёр Наполеона окружали каре гвардии, не участвовавшей в битве. Каски гвардейцев, этих *geans de fer*²⁴, с красными конскими хвостами и надетые на их плечи медные кирасы блестели так ярко, что ослепляли взгляд. Павел приметил сидевшего на складном стуле Бонапарта, к которому беспрестанно подсказывали вестовые с донесениями о ходе сражения. Император нетерпеливо выслушивал их и отсылал прочь. «Не иначе как резервы просят. Видать, не всё у них там ладится, ишь как адъютантики горячатся!» – рассудил Овчаров, вслушиваясь в нарастающий гул битвы и бросая взор на сновавших вокруг лазаретных фур санитаров. Число раненых, особенно тяжёлых, поражало воображение. Палатки полевых госпиталей были переполнены, а людей всё несли и несли. Обрызганные кровью лекари, в белых фартуках, вооружённые длинными ножами, широкими пилами и тонкими клещами, от изнеможения падали с ног, пользуясь ранеными. Из-за переполненности палаток операции делались в открытом поле. С каким-то механическим ожесточением полковые хирурги обрезали куски мяса, пилили кости, вытаскивали клещами из глубин сочившихся кровью и почерневших ран картечь и пули, после чего сшивали их иглами, а рубленые раны стягивали липкими пластырями, укрепляя их бинтами.

Хуже всего дело обстояло с ранеными в живот. После перевязки, заключавшейся в промывке и элементарном вправлении в брюшную полость вывалившихся внутренностей, несчаст-

---

²² «Без лести предан» – таков был девиз на гербе Аракчеева.

²³ Таким образом, ещё задолго до получения победной реляции от Кутузова Александр и его ближайшее окружение упорно размышляли о дальнейших путях ведения войны и способах низвержения Наполеона. Ни о каком соглашении с императором французов не могло быть и речи. Александр верил в свою армию и народ и пребывал в твёрдом убеждении, что неприятель неизбежно покинет пределы его империи. И в этом смысле Березина справедливо представлялась ему подходящим рубежом для окружения и истребления французских корпусов. «Хотя Наполеон, благодаря своему необыкновенному присутствию духа и стечению многих благоприятных обстоятельств, избежал окончательного поражения, а может быть, и плена, но тем не менее нельзя не удивляться превосходно соображённому плану, на основании которого три армии должны были, соединившись одновременно на Березине, довершить здесь гибель неприятеля. Хотя успех и не увенчал этого достойного удивления плана, однако ж не увенчал по обстоятельствам, совершенно не зависевшим от сочинителей, которые при составлении его обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость», – отмечал Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий».

²⁴ «Железных людей» (фр.).

ным давали изрядную дозу спирта и оставляли умирать, складировав на сырую землю. Лужи спёкшейся крови меняли цвет почвы, казалось, сама земля захлёбывается ею. Пробитые картечью головы, помертвелые лица, окровавленные и исколотые штыками тела, оторванные ядрами и державшиеся на одной лишь коже раздробленные конечности, берущие за душу крики несчастных, подвергнувшихся ампутациям, и, наконец, груды сваленных человеческих членов с неснятыми ботфортами и лосинами, облепленных несметным числом гудящих жирных мух, – всё это производило невообразимо тягостное впечатление. И если в начале сражения при виде раненых французов Овчаров испытывал тайное удовлетворение и, что греха таить, неподдельное злорадование, то после полудня стал сочувствовать им.

«Сколько же погибло наших и каково число изувеченных на той стороне? И где стоит мой гусарский полк? Принимает ли он участие в баталии? И каков, каков, чёрт возьми, составит её итог?!» – не уставал спрашивать себя он, в нервном возбуждении бродя меж палаток.

Мысль о бывших товарищах и сослуживцах, могущих находиться где-то рядом, сильно взволновала его. Павел не мог знать, что его полк в составе корпуса графа Каменского Первого прикрывал киевское направление и вместе со всей Третьей армией генерала Торماسова находился за сотни вёрст от Бородина.

К вечеру гул боя начал стихать, ружейная пальба и рокотание ядер поредели, напряжение битвы спало. Отливавшие синевой сумерки опустились на равнину, в низинах за клубился туман, и разлившаяся темнота плотным саваном укутала землю. Сражение само собой прекратилось. Многочисленные костры мириадами мерцающих огней усеяли поле брани, ставшее теперь полем смерти.

Возвратившись к месту стоянки, Павел не застал ни самой телеги, ни улан, ни должного в ней находиться гравёра. «Вот незадача, куда же они подевались?!» – удивился Овчаров, размышляя, к какому бы из костров примкнуть. Он уже сделал шаг к выбранному бивуаку, как его окликнул знакомый голос:

– Ваше высокоблагородие, слава Богу, это вы! – Как из-под земли перед Павлом выросла внушительная фигура Пахома. – А мы тут похлёбку варим, – указал он рукой на дымившийся котелок и сидевших возле него поляков, тех самых, что были приставлены к ним ещё в Гжатске.

– Скажи-ка лучше, где повозка и всё её содержимое, негодник?

– Дык телегу нашу под раненых забрали, они вот, – кивая сызнова на польских улан, начавших прислушиваться к разговору, – сами и отдали, – оправдывался Пахом. – А всё, што там было, вы, ваше высокоблагородие, ни сомневайтесь, мы честь по чести выгрузили и укрыли чем могли. Яко дождь или ешшо какая напасть.

– Ладно, бес с телегой! А где мы ноне лошадей достанем, ты не придумал?!

– Дык нельзя было не отдать, ваше высокоблагородие! – зачастил, оправдываясь, Пахом. – Приехал незнамо откель важный начальник – кажись, не поляк, из хранцузов – и затребовал нашу кибитку с лошадьми. Я-то по-ихнему не кумекаю, но вот они разумеют.

– Полно, иди, доваривай похлёбку, а я самолично с ними потолкую, – досадливо отмахнулся Овчаров, подсаживаясь к огню.

Уланы вежливо посторонились, давая ему место, и пояснили, как обстояло дело.

– Стало быть, завтра с утрась телега и лошади будут на месте? – выслушав разъяснения поляков, переспросил он.

– Точно так, пан Овчаров. Завтра и будут.

– Добже! Тогда по сему случаю не грех и выпить. Пахом, принеси-ка коньяку вон из того ящика!

Удостоверившись, что всё их имущество с остатками продовольственных запасов цело и невредимо, Павел решил расслабиться и успокоить нервы, да и угостить поляков, шумно приветствовавших появление пузатой бутылки, тоже не мешало. Со времени выхода из Гжатска он потерял из виду Кшиштофского и его шефа Сокольниковского и теперь рассчитывал, что

приставленные к его особе уланы смогут пролить свет на сей счёт. Поляки ничего не знали, но пообещали навести справки у полкового командира. «Утро вечера мудренее», – подумал они, когда бутылка опустела, завернулся в шинель и, подложив под голову седло, услужливо принесённое Пахомом, заснул, как младенец.

Наступило утро, но ни телеги, ни обещанных лошадей так и не вернули. Пристыженные уланы, не дождавшись законных вопросов Овчарова, поспешили на их поиски, тогда как Павел, приказав Пахому сторожить скарб и «денежно делательное оборудование», решил навестить ближайший перевязочный пункт в надежде разузнать что-либо у лекарей и санитаров. Ищущий да обрящет. В одной из палаток он обнаружил Сокольницкого, получившего в командование пехотную дивизию накануне Бородина, или, как именовали происшедшую баталию французы, «битвы на Москве-реке».

Сражаясь с отчаянной храбростью, генерал поймал пулю в плечо и был опасно ранен штыком в ногу. Если пулю из плеча благополучно извлекли, то стянутая бинтами штыковая рана сильно набухла и доставляла страдания державшемуся молодцом пану Михалу. Узнав о нужде Павла, Сокольницкий потребовал к себе капитана Солтыка, и проблема с лошадьми и повозкой была решена. Что касается Кшиштофского, генерал пребывал в неведении о его судьбе, упомянув лишь, что пан Хенрик бесстрашно шёл вместе с ним в атаку, как лев, бросаясь на русские штыки. Присутствовавший при этом разговоре Солтык пообещал разузнать о судьбе пана Хенрика в Главной квартире, куда он намеревался вскорости отбыть. Пожелав пану Михалу скорейшего выздоровления и поблагодарив за хлопоты Солтыка, Павел оставил Сокольницкого и, взяв лошадей – говоря по правде, обессиленных загнанных кляч, – вернулся к начавшему беспокоиться Пахому.

– Ваше высокоблагородие, и вы лошадей достали! – радостно встретил его гравёр.

– Дзень добрый, панове!²⁵ Вижу, и вы время зря не теряли! – спрыгивая на землю, приветствовал подошедших вслед за Пахомом поляков Павел.

– Мы достали лишь одну лошадь, зато кобыла справная, строевая, извольте убедиться.

Кобыла, что привели поляки, находилась в лучших кондициях, нежели повозочные лошади, приведённые адъютантом Сокольницкого.

– Что ж, панове, у нас появился выбор. Полагаю, ваша кобыла стоит моих двух, а вот упряжь, пожалуй, у меня лучше. Пахом, распрягай-ка моих убогих и запрягай кобылу господ уланов!

– А что прикажете делать с лошадьми?

– Ежели панове согласны, – кивнул он полякам, – одну лошадь, думаю вот эту, – указал он на жадно жевавшее вытопанную сухую траву животное, – я отведу на перевязочный пункт. Вот лекари будут довольны!

Уланы не возражали. Когда Павел вернулся, повозка была загружена и готова тронуться в путь. К полудню объявился один из адъютантов маршала Бертье, молодой высокий полковник, с приказом маршала о скором выступлении.

– Авангард неаполитанского короля преследует русских, армия которых разбита и беспорядочно отступает, – с торжествующей улыбкой на загорелом обветренном лице весело сообщил он. – Когда дорога станет свободнее, выступит гвардия, затем обоз и все прочие, – кинул небрежный взгляд на лазаретные фуры адъютант. – Вам, – лёгким кивком обратился он к Овчарову, – надлежит следовать в составе Главной квартиры. Так что потрудитесь занять своё место, господа, – почтительно взглянув на шатёр императора, по-прежнему окружённый гвардией, завершил свою миссию он и, прищипорив холёную лошадь, скрылся за пригорком. Подул лёгкий ветерок, и Павел ощутил характерный сладковатый запах. Стоявшее в зените солнце неумолимо делало своё дело...

²⁵ «Добрый день, господа!» (польск.).

Кутузов со всей армией спешно отходил к Москве. О том, чтобы возобновить, как он рассчитывал или делал вид, что рассчитывает, битву, не могло быть и речи. Колоссальные потери и убыль в войсках, а также неиспользованные в сражении резервы Наполеона, его знаменитая гвардия, побуждали командующего отступить. Участь Москвы была предрешена, хотя Кутузов хранил при себе и прилюдно не высказывал давно принятого решения. Известный совет в Филях и поиск позиции для нового сражения под стенами Москвы, на котором так настаивал Беннигсен, ничего не могли изменить, будь даже та позиция идеальной.

Кутузов созвал военный совет в Филях вечером первого сентября, после тяжёлого шестидневного отступления, скорее для самих его участников, а также преследуя цель придать в глазах государя флёр коллегиальности своему столь тяжёлому и непопулярному решению. Предстояли, правда, ещё два не слишком приятных мероприятия. Объяснение с царём после его победной реляции о деле при Бородине, писанной второпях из деревни Татариново, и объяснение с Ростопчиным, которого всё это время, не желая обнаружить своих намерений, он водил за нос и путал противоречивыми приказами и уверениями в непрерывной защите столицы. Впрочем, военный губернатор и главнокомандующий в Москве граф Ростопчин, наделённый государем чрезвычайными полномочиями, не верил Кутузову и прибегнул к действенным мерам по эвакуации Первопрестольной.

Умудрённый жизнью московский обыватель тоже не сидел сложа руки, а действовал по своему разумению. Ещё оставление Смоленска побудило многих к выезду из Белокаменной. Москва наполнилась слухами. Чувство тревоги и беспокойства прочно поселилось в сердцах её жителей. Образ Спасителя на Спасской башне Кремля вдохновлял москвичей на молитвы и покаяние. «Царь Небесный! Попущение твоё вторгнуться неприятелю в пределы наши есть уже верное предзнаменование твоего справедливого гнева, ниспосланного на нас за наши беззакония. Господи! Умиротвори гнев твой и спаси погибающих!» – в смиренной надежде зывали к Всевышнему православные.

Карикатуры лубочного оттиска с нелепым изображением француза и простой русской бабки в сарафане с незамысловатой надписью «Хранцуз! Зачем тебя чёрт занёс на Русь?» энергично распространялись московским правительством и повсеместно продавались на рынках и площадях столицы. Публичное чтение газет и патриотических афиш Ростопчина возле Гостиного двора (купцы были самыми большими охотниками до новостей) и на Болотной площади сопровождалось их коллективным обсуждением, которое зачастую выливалось в яростные споры, однако общий вывод был един: Москве несдобровать! Сия расхожая мысль, разносимая стоустой молвой, вкупе с невероятными толками и откровенными небылицами про французов – чудовищ с широкой пастью, огромными клыками, медным лбом и железным телом – свободно гуляла по Первопрестольной.

Слух про воздушный шар с гондолой, спрятанный на Мамоновской даче, с помощью которого неприятеля закидают ядрами и гранатами, был не менее популярен и пользовался доверием среди образованного класса. Сам Ростопчин свято верил в чудесные возможности шара и щедро отпускал на него казённые средства. Царь и Кутузов также интересовались его строительством. Слухи слухами, но ни оптимистичные заверения Ростопчина, ни его афиши с карикатурами, ни прочие известия, якобы полученные из первых рук, не могли изменить умонастроения столичных обитателей. Как свидетельствовал современник: «Кому было куда ехать, те уезжали. Дворяне потянулись в свои дальние поместья, купцы сворачивали торговлю и вывозили товары, фабричные и ремесленники покидали работы и расходились кто куда, лишь бы подальше, лишь бы не попасть в плен к неприятелю»²⁶. Извечный вопрос для русского человека «Что делать?» решало его православное соборное сознание. Оставить душу незапятнанной и, уничтожив нажитое, уйти, не замавав себя общением с врагом Отечества, или же остаться

---

²⁶ Из дневника Александра Рязанова «Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году». М., 1862.

и попытаться сохранить имущество? Спасти вечную и нетленную душу или уберечь собственность? Компромисс его сердце принимало тяжело...

Бородино и появление в городе многочисленных подвод с ранеными дало новый могучий импульс к исходу из него жителей. В одну сторону, в основном по Владимирскому тракту, тянулись бесконечные ряды экипажей с выезжавшими из Москвы, с другой, по Смоленскому, ввозились в Белокаменную раненые при Бородине. Вместе с ними в Москву приезжали денщики для закупки разных вещей для своих господ и немедля становились главными распространителями новостей, большей частью малоправдоподобных. Не будучи фронтовиками, они ничего или мало что знали, однако с удовольствием принимали подношения, брали деньги на чай и водку, после чего ввали очертя голову. Москва день ото дня пустела, людность её уменьшалась, городской шум утихал. У кого не было лошадей, уносили на себе своё имущество или закапывали его в землю²⁷. По указанию Ростопчина эвакуировали Оружейную палату и Патриаршую ризницу, из Казначейства и иных общественных хранилищ вывозились деньги и ценности, а из присутственных мест – документы. В церквях прекращались богослужения, запирались лавки с товарами, а за два дня до вступления в Москву неприятеля полиция с огнегасительным инструментом и пожарной командой выехала из столицы. Город казался необитаемым, исключая подозрительных лиц с полуобритыми головами, выпущенными из острога. Эти колодники разбивали кабаки, погребки, трактиры...

«Вечером первого сентября острожные любители Бахуса, придя в пьяное безумие, вооружась ножами, топорами, кистенями, дубинами, бегали по улицам и во всё горло кричали: „Бей, коли, режь, руби поганых французов и не давай пардону проклятым басурманам!“ К умножению страха таившихся в домах жителей, дворные собаки лаяли, выли, визжали и вторили пьяным безумцам»²⁸.

---

²⁷ См. дневник Александра Рязанова.

²⁸ Там же.

Глава 3. Вступление в Москву

«День второго сентября начался тихим, ясным, безоблачным. Но каждый предмет имел на себе печать уныния и поселял в душе печаль, тоску и страх, приводивший сердце в трепет. Часу в три пополудни ещё шла вдоль Кремля наша кавалерия, держа путь мимо Воспитательного дома на Таганку. Поспешно ехавшие кавалеристы истово крестились, смотря на соборы Кремля, и, удручённые печалью, творили молитву. В Арсенале толпился народ, свободно бравший из открытых ящиков ружья, сабли и тесаки. Даже женщины хватили и тащили оружие, как охапки дров. На Спасской башне пробило четыре часа, на Иване Великом благовестили к вечерне, и тотчас звон прекратился. В Москву вступали французы...» – так описывал ритор Славяно-греко-латинской духовной академии юный Саша Рязанов²⁹ пленение великой столицы. Не дождавшись депутации от бояр и излив свою желчь на головы приближённых, Наполеон вошёл в Москву на день позже вместе со штабом и полками гвардии, проведя бессонную ночь в захолустном, наполненном отвратительными запахами и алчущими его крови клопами трактире против Дорогомиловской заставы. (Верный Констан сжёг почти весь уксус и листья алоэ, дабы ароматизировать воздух, но это не принесло облегчения.) Овчаров, оставив хозяйство на руках Пахома и улан в версте от заставы, следовал по Арбату на худой жилистой кобыле саженьях в пятидесяти от императора. Адьютант маршала Бертье вытребовал его в качестве переводчика, хотя для этих нужд таковой человек имелся – личный секретарь Наполеона Лелорнь. К тому же во время движения на Верею французы взяли в плен чиновника Министерства финансов Фёдора Ивановича Корбелецкого³⁰, командированного в Москву своим ведомством. Корбелецкий отлично владел французским языком и был представлен Наполеону, решившему оставить его при себе в качестве переводчика. «Следует присмотреться поближе к сему господину», – подумал Павел, глядя на подвижную физиономию Корбелецкого с тщательно зачёсанными вперёд височками, что-то долго и пространно объяснявшему окружённому пышной свитой Наполеону.

Вид огромного пустого города потряс завоевателей и заставил очнуться находившегося в отрешённом созерцании Павла. По пути к Кремлю знакомый ещё по Смоленску привязчивый запах гари преследовал Овчарова. Оглядевшись, он увидел дымы и дымки пожаров, то поднимающиеся ввысь, то стлавшиеся ниже домовых кровель.

«Неужто с Москвой поступили так же, как и с прочими городами, отданными неприятелю?!» – подавленно размышлял он, въезжая в Кремль Боровицкими воротами. «Но Москва не какая-нибудь деревня, чтобы можно было так обойтись с ней. Вероятно, пожары сии случайны...» – едва предположил он, как заметил новые дымы. «Нет, они рукотворны!» – в отчаянии убедился Павел и остановил лошадь. Кремлёвский дворец высился перед ним.

---

²⁹ Достоверных сведений о жизни Александра Рязанова сохранилось крайне мало. Однако с точностью известно, что к моменту вступления Наполеона в Москву ему было около четырнадцати лет, и всё время пребывания там французов он вёл дневник, записывая свои впечатления на клочках бумаги. Позже он систематизировал свои записи и в 1862 году, к пятидесятилетию юбилею Отечественной войны и изгнания Наполеона из России, опубликовал свой дневник отдельной книгой под названием «Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году». Пожалуй, это единственное свидетельство о великих событиях, оставленное человеком из народа, остальные вышли из-под пера высшей аристократии или дворян, по-иному смотревших на действительность (о многочисленных мемуарах и письмах побывавших в Москве французов речи не идёт). Яркие, живые картины Москвы, её облика и быта, запечатлённые Рязановым, широко использовались автором.

³⁰ Корбелецкому довелось, волею случая, находиться рядом с Наполеоном. Эта невольная близость, позволившая наблюдать интимные детали быта Главной императорской квартиры, делает весьма интересной его книгу «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной». СПб., 1813.

– Месьё Офшарофф! Его светлость желает говорить с вами, – узнал он голос адъютанта Бертье и обернулся.

Не слезая с седла, маршал, он же его светлость князь Невшательский, сухо кивнул ему и сделал знак приблизиться.

– Его величество император повелел передать, что ваша работа должна быть продолжена. А посему вам предлагается подобрать подходящее помещение для... – тут Бертье сделал паузу, – ваших экспериментов.

– Здесь, в Кремле, ваша светлость?

– Император ничего не говорил на сей счёт, однако меня уведомили – кстати, ваш соотечественник, – Бертье кивнул на Корбелецкого, продолжавшего беседовать с Наполеоном, – что подземелья Кремля достаточно обширны... Впрочем, выбор за вами, – шурил слезившиеся глаза маршал. – Да, чуть не забыл, скоро должны прибыть медные клише из Парижа, такие, как вы заказывали, – заметно заикаясь, бросил он напоследок и дал шпоры лошади.

«За нами так за нами, хотя в подвалах холодно и сыро, да и крыс наверняка навалом. Зато мешать и совать нос в наши дела вряд ли кто будет. В любом разе всяко лучше, нежели под боком у идущего на поправку Сокольниково и его вездесущего шпиона Солтыка», – вспомнил о капитане Павел. «Правда, печей в подвалах определённно нет. А чистые гравировальные доски окажутся весьма кстати. Подобными клише можно мир перевернуть!» – мечтательно улыбнулся потаённым мыслям Овчаров и тронул лошадь. Усеянная пеплом и дымившаяся от сторевших торговых рядов Красная площадь предстала его взору.

«Чиновник-то из Петербурга – малый не промах, аккурат к Бонапартию в доверие втёрся!» Мысль о Корбелецком не давала ему покоя.

Одна из причин столь стремительного приближения скромного служащего Министерства финансов, автора поэтических од и переводчика книги о пользе различных сортов мёда Корбелецкого к особе Наполеона крылось в перегруженности текущей работой месьё Лелорня. По причине неудовольствия деятельностью разведывательного бюро Сокольниково и тяжёлой раной генерала Наполеон в значительной мере переложил вопросы разведки на плечи своего секретаря. Овчаров, понятно, не догадывался о происшедших пертурбациях. Перво-наперво он решил вернуться к Пахому и забрать денежноделательное оборудование, а уж затем определиться с местоположением их будущей мастерской. Миновав Дорогомиловский мост и проехав вперёд по Смоленской дороге, он заметил знакомую кибитку, одиноко стоявшую под пригорком. Пахом варил в котелке картошку, набранную с ближайших огородов. Уланов не было видно.

– Ну, как ты тут без меня? – поинтересовался Овчаров, принохиваясь к исходившим от котелка ароматам.

– Всё путём, ваше высокоблагородие. Правда, поляки наши распрягли лошадку и увели Бог знает куды. Сказывали, на фуражировку.

– На фуражировку так на фуражировку, подождём, – протыкая тесаком картофель, молвил Овчаров. – Ежели засветло не явятся, запряжём мою красавицу, – нежно погладил чуть вспотевший бок кобылы Павел.

– Хоть ты не упряжная, а верховая, но с помощью Божьей доставишь нас в Кремль!

Уланы, однако, не появлялись. Московские богатства вскружили им голову, заставив позабыть о сделанных обязательствах. Покончив со скудной трапезой, Павел запряг отдохнувшую кобылу и, не став дожидаться улана, тронулся назад к Дорогомиловскому мосту. Пахом брёл рядом, пока Павел не приказал ему залезть в повозку. Двигались шагом, дорога была забита транспортом, конными и пешими, стремившимися поскорее попасть в вожделенный город. За мостом стало свободнее, и повозка покатила быстрее. На Поклонной горе сделали остановку. От разраставшихся пожаров над Москвой повисла чёрно-серая пелена, купола церквей потемнели и уже не отливали золотом, гарный дух бил в рот и ноздри, и Овчаров подумал,

что лучше провести грядущую ночь под защитой кремлёвских стен. Возле Спасских ворот их остановили солдаты гвардии. Подошедший унтер-офицер, старший в карауле, находился в приподнятом настроении и, удовлетворившись объяснениями Павла, пропустил их.

Внутреннее пространство Кремля было заставлено каретами, колясками, бричками, фурами и прочими дорожными экипажами, а также орудиями и повозками гвардейской артиллерии; горели костры, слышалась полковая музыка, победные возгласы пировавших гвардейцев на миг замолкали, раздавалось громовое «Да здравствует император!», и пирушка продолжалась. Даже видневшиеся кое-где трупы падших лошадей не смущали французов. Долгожданная радость от вступления в Москву захлестнула победителей, и они от всего сердца предавались ей. Достаточно было иметь форму рядового Великой армии и подвешенный язык, чтобы проникнуть в Кремль. Забыв об осторожности, солдаты разжигали огонь для варки пищи возле открытых зарядных ящиков и мочились без всякого стеснения под окнами императора.

О том, чтобы остановиться на ночлег в каком-нибудь приличном месте, не могло быть и речи. Постройки Кремля отвели под Главную квартиру, а то, что осталось, разобрали высшие офицеры Великой армии. Наполеон занял парадные покои императора Александра в Кремлёвском дворце, гвардия расположилась в Сенатском дворце и Вотчинном департаменте. Помог адъютант маршала Бертье, тот самый полковник с загорелым обветренным лицом по имени де Флао, устроивший Овчарова с Пахомом в здании Арсенала.

– Поживёте здесь, а там посмотрим. Москва огромна, – загадочно улыбнулся он.

В Арсенальном дворе среди куч обозного помёта Пахому посчастливилось отыскать немного сена, и он накормил им лошадь.

– Пахом, надобно до повозки добреть, в ней табак заваялся. Хоть трубочку покурить, а то ложиться на пустой желудок да без курева, – провёл ладонью по урчащему животу Павел, – совсем невесело.

– Вестимо, невесело, барин. У самого живот дюже сводит, моченьки нету, хотя вроде и хлебали давеча, – намекая на варёную в котелке картошку, вторил ему гравёр.

Темнело. Павел собрался было пойти за свечами, однако пожар настолько усилился, что от его зарева в комнате стало светло как днём.

– Сегодня будет не до сна. Как бы нам тут самим заживо не зажариться!

– Идёмте, барин, на улицу, поглядим!

– И то правда, – кутаясь в плащ и натягивая на самые глаза шляпу, поддержал мастера Овчаров.

На Соборной площади перед колокольней Ивана Великого толпились егеря и гренадеры пешей гвардии. Одетые в синие суконные шинели с красными воротниками и металлическими пуговицами, с красными шерстяными эполетами на плечах и суконными колпаками на головах, они шумно спорили, ожесточённо деля добычу. Груды сваленных сундуков, ящиков со столовым серебром, картонов с домашним добром, перин, меховых шапок, шуб и медвежьих шкур, а также завёрнутых в ковры огромных, не менее трёх футов высотой, хрустальных ваз и прочей всячины возвышались на голой земле. Как выяснил Овчаров, здание колокольни занял штаб генерала Лористона.

– Господа! – обратился он к спорящим. – Я хотел бы обозреть город. Вы не против, чтобы я поднялся?

Занятые делёжкой гвардейцы ничего не имели против, и, не мешкая, Павел с Пахомом взобрались на колокольню. Взойдя на верхний ярус, они увидели пожар во всех его страшных подробностях.

Горел Казённый винный двор. С неукротимой буйной яростью пламя охватило огромное здание. Длинными синими змеями оно извивалось по железным крышам складов и магазинов, с рёвом и свистом выбрасывало наверх горящие голубым пламенем бочки с вином,

которые, падая на землю, взрывались с ужасающим грохотом. Справой стороны огонь подбирался к Гостиному двору, многие лавки которого были открыты. Всё, что должно было сгореть, неприятели и оказавшиеся в нужном месте москвичи вынесли подчистую. Взглянув поперх Красной площади и реки Москвы, они увидели объятые пожарами Замоскворечье. Сильный ветер гнал разбушевавшееся пламя прямо на Кремль.

– Как разумеете, до нас огонь не дойдёт? – спросил Пахом полным тревоги голосом.

– Вроде не должен. Река остановит его. Гляди, гляди, Пахом! Она тоже горит! – в полном изумлении воскликнул Павел, указывая на воду.

Всмотревшись, они поняли, что горит не вода, а барки, стоявшие на Москве-реке. Перегруженные зерном посудины не смогли преодолеть мелководье и сели на мель невдалеке от берега.

– Ваше высокоблагородие, там тоже полыхает! – возбуждённо закричал Пахом, размахивая руками.

Новое зарево занималось вдоль реки. Горел Китай-город...

– Ну как, насмотрелись? – поймал их, спускавшихся по ступенькам Ивана Великого, один из офицеров Лористонова штаба, вышедший угомонить не прекращавших спорить гвардейцев.

Овчаров в красках обрисовал увиденную картину, отчего красивое лицо капитана изобразило тревожную озабоченность, а сам его обладатель спешно ретировался в штаб, скрывшись за дверьми Ивановской колокольни³¹.

– Пойдёмте и мы, ваше высокоблагородие. Довольно уж по ночам шататься!

– Пойдём, пожалуй, однако жрать смерть как охота!

– Comrade!³² – обратился к одному не участвовавшему в общем дележе гвардейцу Павел, чья наружность показалась ему располагавшей. – Не будете ли вы любезны указать нам место, где можно достать немного провизии. Мы целый день ничего не ели.

– Un moment!³³ – с готовностью отозвался француз и скрылся за углом звонницы. Спустя считанные минуты он вернулся с солониной, бутылкой ликёра и надломленной краюхой ржаного чёрного хлеба. – Извини, comrade, хлеба у самого мало, зато вина вдосталь, – весело кивая на бутылку, объяснил солдат.

Павел хотел дать ему денег, но тот отрицательно замотал головой и отошёл к своим пришедшим наконец к согласию товарищам.

– А солонину-то французы не шибко жалуют! – с жадностью вгрызаясь в затвердевшее мясо, усмехнулся Овчаров. – С утрашь провиантом займёмся, – заходя в своё временное жилище, объявил он, разламывая остаток краюхи на две части. – В домах московских осталась провизия. Видишь, как тот гвардеец расщедрился! Да и ликёр сей, чай, не из французских погребов!

– Так-то оно так, барин, тока вот останутся ли дома московские? Огонь вона как лютует!

– Дома сгорят – в подвалах пошукаем! Ладно, давай вечерять – и на боковую, завтра судить да рядить будем.

К середине ночи огонь вобрал в себя такую мощь, что стал угрожать Кремлю. Огромные головни от горевших домов, подхватываемые ветром, сыпались на крыши кремлёвских дворцов и зданий, рискуя поджечь их. В четвёртом часу утра Пахом растолкал Павла:

– Уходить, надобно, барин, а не то пропадём почём зря!

³¹ Чуть позже генерал Лористон оставит Кремль и перенесёт свою резиденцию в роскошную усадьбу графини Орловой-Чесменской, располагавшуюся возле Гагаринской больницы, чем сохранит великолепный особняк, да и саму больницу, от разграбления мародёров.

³² «Товарищ» (фр.).

³³ «Минуту» (фр.).

Натянув сапоги, Овчаров выскочил в арсенальный двор, Пахом с остатками солонины за пазухой часто семенил позади. Воздух так накалился, что обжигал лёгкие; горящие головни, будто ядра-брандкугели, падали на Арсенал, осыпая огненными снопами его железную крышу.

Привязанная во дворе лошадь яростно ржала, мотала головой и брыкалась, пытаясь освободиться от ненавистной бечёвки. Высохшие деревянные балки, державшие крышу Арсенала, вспыхнули, как спички. Поднятые по тревоге пехотинцы Старой гвардии гасили пожар подручными средствами. Вооружившись мётлами, вилами, крюками и вёдрами с водой, они сбрасывали головни и поливали водой докрасна раскалённое железо кровли, однако сбить огонь с загоревшихся стропил было непросто.

В считанные секунды Овчаров оказался на крыше, приказав Пахому по приставленной лестнице подавать ему стоявшие внизу доверху наполненные водою вёдра. Полчаса рискованной работы (с крутой крыши Арсенала можно было в два счёта сорваться) – и наконец, Божьей милостью, пожар потушили. Чёрный от сажи (как и тушившие с ним рука об руку пожар гвардейцы), Овчаров спустился на землю и попал в объятия исправно подававшего воду гравёра.

– Ну что, Пахом, пойдём досыпать? – весело улыбнулся Павел, пошатываясь от усталости.

– Досыпать – не досыпать, а умыться и отдохнуть малость взаправду не помешает! – глядя на Овчарова смеющимися глазами, довольно пробурчал мастер.

Добравшись до места, они тотчас заснули и проспали полдня, пока громкие выкрики за окном не разбудили их. Прихватив пистолеты с патронами (бывшие у них ружья так и остались в повозке), коих в Арсенале имелось великое множество, не говоря уже об оставленных Ростопчиным ста пятидесяти пушках, сотнях пудов пороха, ядер, ружей и самого разнообразного холодного оружия, они вознамерились осуществить задуманное давеча предприятие по сбору провианта. Против Кремлёвского дворца им встретилась пешая процессия из маршалов и гвардейских офицеров, спешивших выбраться из окружённого огненным валом Кремля и направлявшихся в сторону Тайницкой башни. Невысокая фигура в сером сюртуке и характерной треуголке³⁴ почти затерялась среди них, но Павел узнал Бонапарта.

– Смотри-ка, Пахом! Наполеон ноги из Кремля делает! Видать, допекла его нынешняя ноченька! – рассмеялся собственным словам он. – А посему и наш черёд подошёл.

– А с лошадей как быть и повозкой со всем её антихристовым добром? – Вспомнив про передвижную типографию, гравёр осенил себя крестным знаменем.

– Разумеешь, в аду том она кому-нибудь понадобится? А о лошадке гвардейцы позаботятся и отведут в конюшню.

– Штой-то я не заметил никакой здесь конюшни! – засомневался Пахом, но спорить не стал.

Конюшня, подобно Арсеналу, чудом не сгорела в ту ночь. Её отстояли неутомимые гвардейцы, кучера и берейторы, а заодно были спасены царские кареты и прочий парадно-выездной транспорт Романовых, на который положил глаз наполеоновский генералитет. Перед выходом из Кремля Павел вновь поднялся на Иванову колокольню и обозрел город. Происшедшие за ночь разрушения ужаснули его. Почти вся северная и большая часть западной стороны были пожраны огнём, зато пожар пощадил восточную часть города.

«Во всяком случае, покамест пощадил», – грустно размышлял он, всматриваясь вдаль. Клубы чёрного дыма затмевали солнце, чёрно-серая пелена, вчера стоявшая над городом, заметно уплотнела и, приобретя ярко выраженный медный оттенок, опустилась на самые купола соборов и церквей. Москворецкий мост то и дело загорался, и лишь героические усилия солдат гвардии, сбрасывавших в реку горевшие головни, пока предотвращали его уничтожение, начатое при отступлении русской армии казаками, пытавшимися на глазах у францу-

³⁴ На самом деле Бонапарт был в шляпе с округлым верхом, или двууголке.

зов подпалить его. Пламя накрыло и Троицкую башню Кремля, но гвардейцы смогли обуздать огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.